Многоуважаемому Павлу Константиновичу Симони

Несколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ XIV—XV в.

(По поводу книги *„Николай Каринскій.* Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкъ". С.-Пб. 1909. VII+207. 8°).

Книга Н. М. Каринскаго, посвященная изслѣдованію языка Пскова и его области въ XV вѣкѣ, распадается на три части. Въ первой, озаглавленной „Описаніе памятниковъ" (стр. 1—149), приведенъ лингвистическій матеріалъ изъ 17 изученныхъ авторомъ псковскихъ памятниковъ; во второй данъ „анализъ фонетическаго и морфологическаго матеріала памятниковъ" (стр. 150—198); въ третьей разсмотрѣно „вліяніе языка бѣлоруссовъ на языкъ Пскова въ XIV—XV вѣкахъ".

Сначала скажу объ общемъ замыслѣ книги. Какъ видно изъ предисловія, авторъ рѣшился восполнить ощутительный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ, сказывающійся въ томъ обстоятельствѣ, что языкъ Псковской области XIV вѣка былъ извѣстенъ по изслѣдованію А. И. Соболевскаго, вышедшему въ 1884 году подъ заглавіемъ „Очерки изъ исторіи русскаго языка", между тѣмъ какъ объ языкѣ послѣдующаго періода было обнародовано очень мало данныхъ. Вотъ почему Н. М. Каринскій обратилъ главное свое вниманіе на XV вѣкъ; впрочемъ, имъ приняты во вниманіе и памятники позднѣйшіе—одинъ XVI, другой XVII вѣка, въ виду основательнаго предположенія, что они представляютъ собой копіи съ оригиналовъ, составленныхъ въ Псковѣ въ XV в. Мнѣ осталось неяснымъ, почему авторъ, коснувшись еще четырехъ мало значительныхъ псковскихъ памятниковъ XIV в., не привлекъ къ своему изслѣдованію описанныхъ А. И. Соболевскимъ памятниковъ XIV и въ особенности XV в. Работа автора сильно вы-

играла бы, если бы изслѣдованіе его не ограничилось рамками того матеріала, который приведенъ въ отдѣлѣ описанія памятниковъ. Такъ, напримѣръ, Трефолой 1446 года, описанный А. И. Соболевскимъ, представляетъ данныя однородныя съ извлеченнымъ авторомъ матеріаломъ, а между тѣмъ Н. М. Каринскій ограничивается двумя-тремя ссылками на него (стр. 162, 173, 175), не обративъ вниманія на такое показаніе его, какъ глымымь, гды *ы* вмѣсто *и* (ср. глимыи въ записи того же памятника) не можетъ не представить извѣстнаго интереса, или еще на случаи отвердѣнія *р* (баграницею, градите), которые А. И. Соболевскій, быть можетъ, правильно сопоставилъ со случаями отвердѣнія другихъ согласныхъ (клатвѣ, преисподная, кнзу). Разсматривая случаи смѣшенія буквъ *и* и *ы* въ псковскихъ памятникахъ XV в. и устанавливая даже извѣстный хронологическій моментъ (ср. указаніе на то, что въ памятникахъ *первой* половины XV в. такого смѣшенія вообще нѣтъ, стр. 173), Н. М. Каринскій оставляетъ почему-то въ сторонѣ сообщенныя А. И. Соболевскимъ данныя изъ памятниковъ XIV в. (какъ гризениемь Паракл. 1369 г., исполнывъ, рибъ, рибарь Прологъ 1383 г., покриваемъ, непостыжим*ии*, въ пустини, съ выснимы силами, дѣлы злымы Паракл. 1386 г., быты вм. быти Отр. ев. Типогр. б. № 15 и др.) или еще данныя изъ псковскаго евангелія XIV в., описаннаго Бандуровымъ въ Р. Ф. В. 1905 г. № 2 (есми 1 л. мн., грѣшныкъ, хлѣб*и* тв. мн.). Имѣя въ виду тѣснѣйшую связь между собой псковскихъ памятниковъ XIV и XV в., я думаю, что изслѣдователю языка древняго Пскова слѣдовало разсмотрѣть данныя этихъ памятниковъ во всей ихъ совокупности.

Вѣроятно, по недосмотру авторомъ оставленъ въ сторонѣ такой памятникъ, какъ псковскій служебникъ 1462 года; правда, въ этой рукописи нѣтъ обычной Пскову мѣны шипящихъ и свистящихъ [1]), но тѣмъ интереснѣе должна быть она для изслѣдователя графики, господствовавшей во Псковѣ. Непонятно, почему Н. М. Каринскій оставилъ безъ вниманія псковскій списокъ Палеи 1517 года; онъ ссылается на него, описывая бумажные знаки Синод. сборника № 154; принадлежность этого памятника началу XVI в. не должна бы, какъ кажется, послужить препятствіемъ для его использованія; вѣдь Погодинская Палея XV — XVI в. № 1435 описана и изслѣдована авторомъ.

[1]) А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія, изд. 2-е, стр. 89.

I.

Какъ указано, только послѣднія 57 страницъ книги Н. М. Каринскаго представляютъ изслѣдованіе; первая и самая обширная часть его труда даетъ только описаніе памятниковъ: описаніе это очень мало обработано и не удовлетворяетъ всѣмъ научнымъ требованіямъ. О второй и третьей части книги Н. М. Каринскаго скажу ниже, а здѣсь обосную только что высказанное сужденіе о первой ея части.

Нисколько не отрицаю значенія этой части труда Н. М. Каринскаго; напротивъ, въ ней содержатся обильныя данныя, извлеченныя изъ первоисточниковъ и ярко освѣщающія языкъ псковскихъ памятниковъ; послѣдующіе изслѣдователи будутъ исходить именно изъ этихъ данныхъ; не разъ поблагодарятъ они трудолюбиваго предшественника за подборъ однородныхъ памятниковъ и за кропотливую выборку изъ нихъ лингвистическихъ данныхъ. Рѣшившись на утвержденіе, что описанія памятниковъ, данныя Н. М. Каринскимъ, не удовлетворяютъ всѣмъ научнымъ требованіямъ и представляютъ матеріалъ въ недостаточно обработанномъ видѣ, я имѣю въ виду, во-первыхъ, существенные недостатки въ поясненіяхъ, сопровождающихъ приводимые факты, а также въ самой группировкѣ матеріала, во-вторыхъ, отсутствіе историко-литературнаго анализа изслѣдуемыхъ памятниковъ.

Не придаю особеннаго значенія большей части недостатковъ перваго рода, хотя, впрочемъ, неточности и неясности въ поясненіяхъ автора могутъ ввести въ ошибки начинающихъ изслѣдователей или вызвать въ читателѣ недоумѣніе. Такъ беревне (стр. 79) не можетъ быть отнесено къ случаямъ второго полногласія, несмотря на возможность формы бервно (ср. по бервноу на стр. 46); древнерусская форма была бърьвьно (ср. Остр. ев.), и къ ней восходитъ наше бревно, ср. чешск. břevno; пелена не представляетъ русской полногласной формы (стр. 99), ибо pelena извѣстно и изъ сербскаго и изъ болгарскаго языка; серебренъ также не можетъ быть отнесено къ полногласнымъ формамъ (стр. 99), ибо старославянской формой слова серебро было сърєбро. Непонятно, зачѣмъ авторъ на стр. 116 приводитъ слово поклоняние, оговаривая, что въ немъ *я* нефонетически замѣнило *е*; ср. старослав. покланꙗниѥ. Тутъ же читаемъ: „Случай съ *ы* вм. *о* (=ъ) въ—помыꙗ 36 едва ли не болгаризмъ“. Авторъ упустилъ изъ вниманія, что мыю, помыю было и древнерусскою формой; ср. совр. малор. мию, бѣлор. мыю. На стр. 138 авторъ пишетъ:

„Пропускъ *р*, какъ слѣдствіе образованія плавныхъ гласныхъ, находимъ въ: антихъста, антихъсту“; то же безъ всякихъ поясненій повторено въ изслѣдованіи (стр. 188); антихъста вм. антихрьста явилось слѣдствіемъ выпаденія ъ и образованія сложной группы согласныхъ, не удержавшей *р* (ср. наше кстить вм. крьстити), а никакъ не образованія плавной гласной. Непонятно, почему формы запл*а*чаны, пом*а*чиватся въ Псковской судной грамотѣ Н. М. Каринскій читаетъ съ удареніемъ не на подчеркнутыхъ *а*, признавая эти *а* стоящими въ слогахъ неударяемыхъ (стр. 91). Конечно, намъ не зачѣмъ останавливаться дольше на подобныхъ недосмотрахъ, неизбѣжныхъ во всякомъ изслѣдованіи. Но на нѣкоторыхъ пріемахъ автора при описаніи памятниковъ необходимо остановиться подробнѣе.

Н. М. Каринскій съ полнымъ основаніемъ предпослалъ описаніямъ языка тѣхъ или иныхъ памятниковъ отдѣлы, озаглавленные „юго-славянское вліяніе и характеръ орѳографіи“; дѣйствительно, безусловно полезнымъ представляется опредѣлить предварительно графическіе пріемы писца, для того чтобы въ дальнѣйшемъ описаніи не возвращаться ни къ палеографическимъ замѣчаніямъ, ни къ обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ тѣмъ или инымъ употребленіемъ буквъ, ни къ истолкованію описокъ и ошибокъ писца. Кое-что изъ сообщеннаго авторомъ въ этихъ отдѣлахъ можно было бы удалить: напримѣръ, полногласныя русскія формы такъ же мало относятся къ области чистой графики, какъ появленіе въ памятникѣ вообще всякаго живого русскаго звука или живой русской формы на мѣстѣ книжныхъ и церковно-славянскихъ. Къ сожалѣнію, опредѣленіе юго-славянскаго вліянія въ этихъ отдѣлахъ сдѣлано далеко не съ должной полнотой: относящіяся сюда замѣчанія автора приходится восполнять данными, извлеченными изъ другихъ отдѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ описаніи Палеи 1494 года авторъ (стр. 8—9) насчетъ юго-славянскаго вліянія и орѳографическихъ пріемовъ писца относитъ употребленіе ъ вм. ь въ концѣ словъ, какъ рысъ, тестъ, скрижалъ, бранъ, ѭдъ, съ (им. ед.); признаю это замѣчаніе Н. М. Каринскаго безусловно вѣрнымъ; но на стр. 27, уже въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „фонетика“, авторъ приводитъ, правда, небольшое число случаевъ, гдѣ въ рукописи „наблюдается чередованіе твердыхъ и мягкихъ гласныхъ *а* и ѧ (ꙗ), *у* и *ю* послѣ согласныхъ“: кладѧза, всу, древнꙗ, тесту, египтани, ѿ египтѧ, образю, влезю. Отмѣтивъ, что рядомъ въ рукописи попадаются такіе случаи, которые „не внушаютъ довѣрія“ (задняꙗ, наполнають, взаша, парфаны, и др.), авторъ замѣчаетъ: „Нужно

замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ (кладѧза, всу) не невозможно объяснить и церковно-славянскимъ отвердѣніемъ согласныхъ, хотя для предположенія церковно-славянскихъ оригиналовъ въ основаніи нашей редакціи Палеи мы не имѣемъ достаточно твердыхъ данныхъ". Эти слова возбуждаютъ рядъ недоразумѣній: отсутствіе твердыхъ данныхъ для предположенія церковно-славянскихъ оригиналовъ въ основаніи Палеи не помѣшало автору отнести насчетъ юго-славянскаго вліянія *а* вм. *я* въ покоа, еа, ъ вм. ь въ плень, видивь, азь, ъ вм. ь въ рысъ, тестъ (стр. 8); почему же было бы не отнести всу, теста, кладяза насчетъ того же вліянія? Для чего авторъ упомянулъ о церковно-славянскомъ отвердѣніи согласныхъ и не вспомнилъ объ однородныхъ написаніяхъ въ средне-болгарскихъ и сербскихъ памятникахъ? Наконецъ, изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что Н. М. Каринскій склоненъ приписать такія написанія русскому писцу; но какъ могъ возникнуть подобный графическій пріемъ на русской почвѣ? Или, быть можетъ, авторъ видитъ въ немъ отраженіе живого произношенія и допускаетъ отвердѣніе согласныхъ передъ гласными при тѣхъ или иныхъ условіяхъ? Меня приводитъ въ смущеніе то обстоятельство, что объ этомъ явленіи онъ говоритъ именно въ отдѣлѣ фонетики; смущеніе мое усиливается и тѣмъ еще, что авторъ говоритъ по поводу однородныхъ случаевъ въ описаніи Погодинскаго списка лѣтописи № 1413: „случаи: боярынами... гсдрина, осенъ, полтретьятцатъ... не достаточны, чтобы признать отвердѣніе нѣкоторыхъ согласныхъ предъ *а* и на концѣ словъ" (стр. 83). Какъ будто наличность еще нѣсколькихъ случаевъ или даже десятковъ такихъ случаевъ [1]) дала бы основаніе для подобнаго признанія. Впрочемъ, я увѣренъ, что Н. М. Каринскій не сталъ бы утверждать противнаго; я возражаю ему не по существу, а лишь постольку, поскольку онъ неосторожно выразился по поводу разсматриваемаго явленія; на стр. 104 вижу подтвержденіе тому, что мы съ авторомъ не расходимся въ оцѣнкѣ написаній съ *а*, *у* вм. *я*, *ю* и обратно, ибо здѣсь, приведя написанія доуню, глю, всу полтыноу и др. изъ Чудовскаго сборника № 270, авторъ замѣчаетъ, что „нѣкоторые изъ приведенныхъ случаевъ несомнѣнно южно-славянизмы". Если я въ виду этого откажусь отъ возраженій по существу, то все же нахожу достаточный поводъ для упрека автору въ смѣшеніи явленій графи-

[1]) Изъ Погод. лѣтописи можно привести, напримѣръ, еще: нался 173 об., того дѣла 122, ис Колывана 152, надонъ 127.

ческихъ съ фонетическими: признавъ доуню или всу за южнославянизмы въ Чудовскомъ сборникѣ № 270, авторъ долженъ былъ упомянуть о подобныхъ случаяхъ не въ отдѣлѣ фонетики, а въ предшествующемъ ему отдѣлѣ.

Этотъ упрекъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи моемъ разростется до обвиненія: я пришелъ къ выводу, что значительная часть явленій, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ отдѣлахъ фонетики, должна была бы быть перенесена въ тѣ отдѣлы, гдѣ говорится о южно-славянскомъ вліяніи; я убѣдился въ томъ, что авторъ, благодаря недостаточно критичному отношенію къ графикѣ изслѣдуемыхъ памятниковъ, приписалъ языку Пскова рядъ такихъ особенностей, которыя всегда были ему чужды. Но объ этомъ ниже, а здѣсь укажу еще примѣры смѣшенія вопросовъ фонетики съ вопросами графики въ описаніяхъ автора. Въ описаніи звуковыхъ особенностей Палеи 1494 года читаемъ: „Шипящія и *ц*, по большей части, мягки: слышю... пшеницю; даже хожяхоу, ворожящю, птичя и др. под.; *оу* и *ы* послѣ шипящихъ и *ц* сравнительно рѣдки: рожыся, дожды (в. мн.), соущоу... еретицы... дѣвицы и др.“ Шипящія и *ц* не могутъ быть, конечно, и тверды и мягки одновременно; поэтому одно изъ двухъ—или написанія слышю, хожяхоу, или написанія рожыся, дѣвицы отражаютъ живое произношеніе; мнѣ кажется, что на обязанности изслѣдователя—дать указаніе на то, гдѣ же именно, въ какихъ именно написаніяхъ надлежитъ искать живое произношеніе. Подобную же неопредѣленность видимъ и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ описаній другихъ памятниковъ (стр. 54, 70, 83 и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ можно пожалѣть и о томъ, что авторъ не описалъ подробнѣе графическихъ пріемовъ, связанныхъ съ употребленіемъ буквъ *ж*, *ш* и т. д.; замѣчательно, что во многихъ памятникахъ сѣверо-восточной Руси XIV и XV в. послѣ шипящихъ и *ц* не пишется ѧ, а *а*, рядомъ не *у*, а *ю*; укажу, напримѣръ, на Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, гдѣ въ части, соотвѣтствующей Повѣсти вр. лѣтъ, по указанію Н. П. Некрасова ни разу не встрѣчается жя, тя, а ця только въ трехъ словахъ; рядомъ постоянно жю, шю, цю; напротивъ, написанія жя, шя оказываются довольно частыми въ псковскихъ памятникахъ; на это слѣдовало обратить вниманіе, въ виду особеннаго произношенія звуковъ *ш* и *ж* въ псковскомъ говорѣ.

На стр. 95 Н. М. Каринскій, придавая вѣру письменному изображенію звуковъ, рѣшился въ числѣ морфологическихъ особенностей, выдѣляющихъ Псковскую судную грамоту изъ среды другихъ памят-

никовъ, указать на окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *тъ* (при наличности формъ на *ти* и *ть*): судитъ, ѣхатъ, даватъ и т. д.; „эта форма—замѣчаетъ авторъ—тѣмъ болѣе любопытна, что въ грамотѣ *ь* на концѣ словъ, вообще говоря, не замѣняется черезъ *ъ*". Мы заключаемъ отсюда, что Н. М. Каринскій предполагаетъ возможность формъ инфинитива на -тъ въ псковскомъ говорѣ (XVII вѣка?). Но такое предположеніе опровергается отсутствіемъ подобныхъ формъ въ живыхъ говорахъ русскихъ и невѣроятностью допустить отвердѣніе т въ инфинитивѣ, въ особенности рядомъ съ сохраненіемъ т' въ 3 л. ед. (Псковская судная грамота имѣетъ: молвить, имуть; впрочемъ, и прибудетъ, дастъ). Для меня совершенно очевидно, что передъ нами графическое явленіе: плохо вникая въ смыслъ оригинала, переписчикъ передавалъ написанія судиͭ, ѣхаͭ черезъ судитъ, ѣхатъ.

Но боюсь утомить читателя подобными замѣчаніями. Перехожу ко второму упреку, который я позволилъ себѣ сдѣлать первой части разсматриваемаго труда Н. М. Каринскаго: въ описаніи памятниковъ отсутствуетъ историко-литературное освѣщеніе ихъ содержанія, ихъ происхожденія. Особенно наглядно обнаруживается это при описаніи трехъ сборниковъ: Чудовскаго № 270, Чудовскаго № 255 и Софійскаго № 1262; авторъ ничего не сообщаетъ объ ихъ содержаніи; случайно узнаемъ изъ изслѣдованія, что въ Чудовскомъ № 255 имѣется житіе Бориса и Глѣба; относительно Чудовскаго № 270 онъ отмѣчаетъ что псковскія діалектическія черты „далеко не всегда выступаютъ ярче въ русскихъ статьяхъ, чѣмъ въ церковно-славянскихъ"; относительно Софійскаго № 1262 узнаемъ только, что „разница отдѣльныхъ мѣстъ рукописи по языку вполнѣ объясняется характеромъ оригиналовъ, изъ которыхъ составленъ сборникъ". Итакъ авторъ для себя продѣлалъ работу и надъ содержаніемъ описываемыхъ сборниковъ; но почему было не дать для читателя хотя бы перечень находящихся въ сборникахъ статей [1])? Я иду дальше: мы въ правѣ требовать отъ лица, извлекающаго изъ рукописи данныя какого бы то ни было характера, хоть

---

[1]) Изъ любезнаго сообщенія С. Н. Северьянова узнаю, что Чудовскій № 255 содержитъ поученія на воскресные дни отъ недѣли мытаря и фарисея до 5-ой недѣли по Пасхѣ, а также поученія и на другіе дни, выдающіеся по важности. Но тутъ же и житія нѣкоторыхъ святыхъ, между прочимъ житійное сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (л. 87 об.—124), житіе Алексія человѣка Божія (л. 31—41). Чудовскій № 270—сборникъ словъ, поученій и житій; изъ русскихъ статей отмѣтимъ: слово о перенесеніи мощей святителя Николая, похваленіе крещенія Русскія земли, убіеніе св. Михаила Черниговскаго и боярина его Өеодора.

нѣкотораго историко-литературнаго ея изслѣдованія; такое требованіе особенно умѣстно предъявить къ изслѣдователю языка, ибо онъ прежде всего долженъ выяснить себѣ вопросъ о средѣ, гдѣ появилась рукопись, о вѣроятномъ ея происхожденіи, объ ея оригиналѣ, и такъ далѣе. Случайная выписка, сдѣланная Н. М. Каринскимъ изъ Чудовскаго № 270, подтвердитъ мою мысль и докажетъ основательность высказаннаго мною пожеланія. На стр. 104, приводя случаи отвердѣнія согласныхъ въ указанномъ сборникѣ, Н. М. Каринскій даетъ примѣръ: през всу нощь 265. Думаю, что през ведетъ насъ къ южнославянскому, южно-русскому или западно-русскому оригиналу [1]; ср. въ западно-русскихъ передѣлкахъ псалтыри: през вся дни, през весь день, презъ всю нощь (Е. Ѳ. Карскій, Западнорусск. переводы псалтыри, стр. 241). Западная Русь ближе къ Пскову, чѣмъ южная Русь или Болгарія. Если заключеніе мое вѣрно, то автору придется, быть можетъ, отказаться отъ сдѣланнаго имъ на стр. 205 замѣчанія: „но намъ не удалось найти псковскихъ копій съ западно-русскихъ рукописей, а равно и указаній на обмѣнъ рукописнымъ матеріаломъ между Псковомъ и западной Русью“. Впрочемъ, объ этомъ скажемъ подробнѣе ниже. Здѣсь отмѣтимъ, что авторъ въ числѣ изслѣдованныхъ памятниковъ имѣлъ три списка хронографической Палеи: то обстоятельство, что эти древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ списковъ относятся къ Пскову, могло бы навести автора на рядъ историко-литературныхъ вопросовъ, находившихъ себѣ то или иное разрѣшеніе въ относящихся сюда ученыхъ сочиненіяхъ (см. статьи Тихонравова, изданныя въ первомъ томѣ его сочиненій). Впрочемъ, возможно, что такіе вопросы и имѣлись авторомъ въ виду, ибо на стр. 54 находимъ у него обѣщаніе разъяснить „ниже“ то обстоятельство, что обѣ Палеи—1477 и 1494 года „восходятъ, можетъ быть, правда, не непосредственно, къ одному оригиналу“. Но обѣщаніе свое авторъ въ изданной книгѣ не выполнилъ. Кромѣ двухъ палей Н. М. Каринскій привлекъ къ своему изслѣдованію два лѣтописныхъ сборника: первый изъ нихъ, Синод. № 154, заключаетъ въ себѣ, какъ это указано и авторомъ, Новгородскую лѣтопись „поздней редакціи“, Псковскую лѣтопись (вторую) и Александрію, не мѣшало бы, кажется, упомянуть, что Псковская 2-я лѣтопись по этому списку издана была въ V т. П. С. Р. Л., а Новгородская лѣтопись извѣстна по изданію князя М. А. Оболенскаго

---

[1]) Судя по л. 265, примѣръ взятъ изъ окончанія житія Артемія, гдѣ по тексту Мак. Чет. Миней просто: всю нощь (см. подъ 20 октября).

„Новгородская и Кіевская сокращенныя лѣтописи по Супрасльскому списку“, гдѣ изъ нея подведены систематически варіанты. Какъ увидимъ ниже, сближеніе Синод. списка съ Супрасльскимъ могло бы навести изслѣдователя на вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ списковъ, изъ которыхъ второй несомнѣнно западно-русскій, и дать еще лишнее основаніе для опроверженія приведеннаго выше положенія, отрицающаго литературное общеніе Пскова съ западной Русью. Очень цѣнны сдѣланныя Н. М. Каринскимъ наблюденія надъ особенностями языка различающихся въ сборникѣ № 154 частей: на стр. 70 онъ сообщаетъ, что мѣна оу и в, встрѣчающаяся одинаково какъ въ Новгородской, такъ и въ Псковской лѣтописи, отсутствуетъ въ Александріи, на стр. 71 отмѣчено, что въ Александріи нѣтъ мѣны шипящихъ и свистящихъ, на стр. 67 указано на то, что авторъ не нашелъ въ Александріи случаевъ замѣны а черезъ е; наконецъ, на стр. 76 читаемъ, что окончаніе 1-го л. множ. -мы обычно въ Александріи, окончаніе -мо въ Псковской лѣтописи, а окончаніе -ме въ Новгородской и Псковской. Александрія, какъ видно изъ описанія сборника, предложеннаго Н. М. Каринскимъ, писана однимъ почеркомъ съ предшествующими частями сборника; отсюда слѣдуетъ, что типическія псковскія особенности (мѣна у и в, мѣна шипящихъ и свистящихъ) внесены въ первыя двѣ части сборника не по говору переписчика, а изъ его оригинала, восходящаго во всякомъ случаѣ къ концу XV вѣка, между тѣмъ какъ самый сборникъ правильнѣе отнести къ началу XVI вѣка, въ особенности въ виду тождества нѣкоторыхъ бумажныхъ его знаковъ съ знаками въ псковской Палеѣ 1517 года (стр. 63). Весьма недостаточны свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ о лѣтописномъ сборникѣ Погод. № 1413, содержащемъ текстъ первой Псковской лѣтописи; не указано даже, что Псковская первая лѣтопись издана въ IV т. П. С. Р. Л., при чемъ къ основному списку, каковымъ принятъ позднѣйшій списокъ (XVII в.) Московскаго Главнаго Архива М. И. Д., въ этомъ изданіи подведены варіанты изъ Погод. № 1413 (названнаго Строевскимъ). Н. М. Каринскій не обратилъ къ сожалѣнію вниманія на этотъ другой списокъ Псковской первой лѣтописи; а между тѣмъ, сопоставленіе текста Погодинскаго и Архивскаго списковъ выяснило бы, что многія изъ діалектическихъ особенностей перваго списка восходятъ къ оригиналу его, бывшему оригиналомъ и для Архивскаго списка [1]).

[1]) Интересно напр. подъ 6979 годомъ чтеніе Архивскаго списка: „и казни вшу

Это обстоятельство выдвигаетъ общій вопросъ относительно того, не восходятъ ли всѣ рѣзкія діалектическія и графическія особенности Погодинскаго списка № 1413 къ протографу этого списка, и ставитъ передъ изслѣдователемъ другой вопросъ: когда, въ какое время составленъ этотъ протографъ? Имѣя въ виду, что характеръ Псковской 1-й лѣтописи рѣзко измѣняется послѣ статьи 6989 (1481) года (она становится краткою, отрывочною; кромѣ того списки Карамз., Снѣгир., Акад. уже окончательно расходятся съ прочими), думаю, что одна изъ древнѣйшихъ редакцій Псковской 1-й лѣтописи доводила разсказъ только до 1481 года. Замѣчательно, что въ Погодинскомъ спискѣ № 1413 послѣ листа 201, на которомъ оканчивается статья 1481 года, уже не отыскивается ни смѣшеніе ы и и, ни смѣшеніе шипящихъ со свистящими, ни смѣшеніе ч и ц, ни замѣна е черезъ я; итакъ всѣ эти особенности восходятъ къ первоначальной редакціи; онѣ не внесены въ рукопись переписчикомъ XVI вѣка, онѣ заимствованы имъ изъ болѣе древняго списка XV вѣка.

II.

Указанные недостатки первой части книги Н. М. Каринскаго въ значительной степени искупаются тѣмъ обильнымъ матеріаломъ, который предлагаетъ въ ней авторъ. Но кромѣ этого ею достигнута одна изъ главныхъ цѣлей изслѣдователя: собранный матеріалъ служитъ отличной характеристикой языка псковскихъ памятниковъ XV вѣка. Лучшимъ доказательствомъ этого является слѣдующее обстоятельство: нѣкоторые памятники, о мѣстѣ происхожденія которыхъ до появленія труда Н. М. Каринскаго можно было сомнѣваться, пріурочиваются теперь съ полною увѣренностью къ Пскову. Назову четыре такихъ памятника — Новороссійскій списокъ Новгородской 4-й лѣтописи, Ипатьевскую лѣтопись, Троицкій списокъ Новгородской 1-й лѣтописи, Креховскій списокъ Палеи. Считаю и важнымъ для дальнѣйшихъ моихъ замѣчаній по существу выдвинутыхъ Н. М. Каринскимъ вопросовъ привести нѣсколько характерныхъ данныхъ изъ каждаго изъ трехъ названныхъ памятниковъ. Характерными данными считаю не только діалектическія черты живого Псковскаго говора, которыя проникли въ эти памятники, но также еще рядъ явленій въ области графики:

въ него разграбили", ср. въ Погод.: „и казну вшу въ него разграбили". А. И. Соболевскій обратилъ въ свое время вниманіе на оба изданія Псковской первой лѣтописи— Погодина (1837) и Археогр. Комиссіи. „Очерки", 143.

въ виду спорности вопроса, что̀ именно должно отнести насчетъ фонетики и что̀ насчетъ графики, я съ особенною обстоятельностью остановлюсь на нѣкоторыхъ явленіяхъ графики въ названныхъ памятникахъ.

1. Новороссійскій списокъ XV вѣка Новгородской 4-й лѣтописи принадлежитъ библіотекѣ Новороссійскаго университета; свѣдѣнія о немъ сообщены въ Лѣтописи занятій Археографической Комиссіи за 1871 г., вып. VI, засѣданіе 20-го сентября, также въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1900 годъ, сентябрь, стр. 94. Изъ приписки писца, доведшаго свой трудъ до 1437 года (до этого года была доведена первая редакція Новгородской 4-й лѣтописи, время составленія которой относится къ пятидесятымъ годамъ XV столѣтія), можно только заключить, что рукопись приготовлена по заказу нѣкоего Григорья Васильевича или для него. Писецъ былъ не искушонъ въ орѳографіи и испортилъ свой трудъ самыми невѣроятными описками. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако въ его правописаніи отразилось яркимъ образомъ вліяніе южно-славянскихъ памятниковъ. Приведу сначала безспорныя данныя изъ графики, подтверждающія такое вліяніе.

1) Изрѣдка встрѣчаемъ большой юсъ: любовіѫ 28а и даже іотированный: вѣроіѫ 157а; нерѣдко ѕ : ѕвѣзда 198а; одинъ разъ перечеркнутое з : кнѧз 187б; 2) а вм. я : ави (явѣ) 572б, аму (яму) 446а, *от*аша 533а, азва 520а, боаромъ 611а, арославъ 304б, на арославлѣ двори 533а, на аневѣ оулици 622б; 3) написаніе „юже видихомъ вось то мсць“ 615а, указываетъ на болгарское написаніе въсь; 4) ь вм. ъ: въспитань 552а, лють 229а, единь 249б и другія; 5) ъ вм. ь: тестъ 473б, в русъ 248б, конъ 316б, бранъ 466б, на осенъ 227б, 463б, ратъ 310б, 376а, 467а, въ честъ 620б, опятъ 390б, кнѕъ 247б, дождъ 660а, кадъ ржи 291а, на рязанъ 287а, королъ 349а, всю ярь 255а, дебръ 299б, отраслъ 552а и другія; 6) 3 лицо глаголовъ на тъ: играетъ 205б, вѣруетъ 211б, позоветъ 408а, предлежитъ 370а, бываетъ 199б, вдастъ 223а, и такъ далѣе (но вообще ть чаще); 7) написанія ла, на, ра, лу, и такъ далѣе, вм. ля, ня, ря, лю: стрѣлають 617а, отъ клазми 339а, стрѣлахутся 519б, жалаху 279б, королу 640б, к зяту 317б, тѣстоу 307б, коноу 373а, разаню 221б, рѧзяну 266а, обращетьс 607а, баграничю 560а, кьняза 603а, июна 264а, славланѣ 535а, казнами (вм. казньми) 538б; 8) обратно, написанія рю, лю, ля вм. ра, лу, ла, и т. д.: рюбль 637а, въ югрю 271а, оумрю 566б, зло къ злю 490а, рюблевъ 530б, рюбловъ 602а, 583б, престаля 527а, оу лю*т*ска 618б, на любяничи 278б, въ югрю 276а;

9) удвоеніе гласныхъ: сщніикомъ 611а, митрофолитъ 248б, отъ помыисла 577а; и мн. др.

Перехожу къ такимъ графическимъ явленіямъ, въ которыхъ Н. М. Карпнскій, какъ видно изъ его описаній, склоненъ видѣть явленія фонетическія.

1) *е* употребляется вм. *я* (ѧ, ꙗ): предашеся 3 мн. 285б, камение гореще 113а, повезавше 159а, огне*н* 225а, съ фрезы 595б, повезавше 159а, на варескои оуличи 393б, съ кьнеземь 613а, стяженіемъ 225а, граженѣ 519б, бренескъ 416б, дебреньскии 426а, возстресеся 656б, и др.; 2) ѧ стоитъ вм. ожидаемаго *е*: на колѧсы 45а, на колясе*х* 45а, колясничю 411б, тенята 216а, трепящать (трепещеть) 497б, бжествяному 250а, деревяны*х* 536б, 591а, деревяную 618б, бяшя (бяше) 270а, 279а и др.; сюда же относятся написанія съ *а* вм. *я* послѣ шипящихъ: идяша (идяше) 585а, 458а, бяша (бяше) 246а, 314а, 472а, 611а, не чюаша 607б, не творяша 552б, въ сщаную одежю 651б, любовь свершанаа 617а, и др.; 3) ѧ (а) стоитъ вм. ожидаемаго *ѣ*: на облаца*х* сиверьски*х* 115а; 4) и стоитъ вм. ы: со аггли 577а, хрстолюбивіи им. ед. 603а, биша (быша) 573б, мы есми 273б, по г грѣвни 322а, рыби им. мн. 322а, вишатѣ 189б, сребрянія 348а, и др.; 5) еще чаще *ы* стоитъ вм. *и*: семыдесѧтьчкаа 479б, былы пошли 412б, дѣлиты 298б, вѣчныки 397б, казны 440б, погоны 369а, ярославлы 302б, ярославлы*х* 294а, избилы 376б, сыры*х* 639а, с нимы 190а, имы же 627а, древяныимы, сребреныимы 163б; въ связи съ этимъ находимъ и вм. ы и послѣ ц и шипящихъ: кривицы 20б, вятіцы 22а, бѣлозерцы 207а, нарочытыа 177б, щыты 72б, в рыжыхъ 536б, в мовницы 207а и др.; любопытно появленіе *ы* вм. *и* въ молныя 186а, избыют 365а; кромѣ того нерѣдко *ы* замѣняетъ *и*, стоящее въ свою очередь вмѣсто *ѣ*: въ дворы 248б, 287б, вь юрьевы городы 304а, въ манастыры 249а, 278а, 284б, 281а, въ притворы 255д, в кыевы 259б, 261а, 260а, в киевы 256б, в кѣевы 259а, на горо*д*ткыхъ 551а, двыма 535а, изъ обыю очію 656б, от*т*олы 336б, 654а; любопытно также *ы* въ им. мн. татаровы 337б, тотаровы 338а и др.; 6) *ѣ* вм. *и*: дат. ед. давыдовѣ 223а, яневѣ 206а, по смртѣ 208а, бѣтися 504б, лѣха 477а, анхѣмандрѣта 417б, концѣнѣ 332б, бѣшася 300а, бѣвъ 621а, дѣвесь 595а, сътворилѣ есме 203б и мн. др.; 7) *ѣ* вмѣсто *ы*: повиннѣя же прощаша 558а; 8) *е* вмѣсто *и*: лешени им. ед. 633б, по истенѣ 207б, внедѣ 268а, попе им. мн. 248б, прокшенича 277а, незлагаеть 415б, вышебе 418б, наречаемы 512б, име тв. мн. 515б, преведоша 558а, прележаша 552б, на цюденцевѣ оулици

655б, лѣствесника 412б, на королеве*ч* 312, чеслени*ч* 363а, бещеслено 303б; 9) *и* вм. *е*: коничь 310б, черни*ч* (чернецъ) 275б, сѣди Заор. 204б, со олговичи*м* 250б, не бяши 271а, сила 340б, гристи 305б, любящиму 574а, събрашися 655б, кремениць 653б, дѣтиниць 611б, промчис слово 596а, ижи 582а, смотряши 554 и др.; любопытны случаи, гдѣ *и* замѣняетъ *е*, стоящее вмѣсто ожидаемаго *я (а)*: плакашис 3 мн. 567б, 610а.

Среди многочисленныхъ фонетическихъ явленій, засвидѣтельствованныхъ новороссійскимъ спискомъ, выдвигаемъ только немногія. Это аканіе: захапи 123б, ярaполкоу 271а, наровъ 562б, наровы 636а, продалжающи 618а, на яраславли двори 535а, алгердъ 431а, миндовгаве им. мн. 367а, алгердъ 431а, спсавьскіи 525а, злочстивага 557а, поганога 555а, с полачаны 238а, навгородчи 285б, 271б, 286б, 373б и т. д., навоторжьци 257б, начавалъ 443а, навоторьжанѣ 651а, и др. Далѣе—смѣшеніе шипящихъ со свистящими, встрѣчающееся въ сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ: жажгоша 479а, к можашку 528б, помышлиша 521б, не примешившися 577а, приближиша (приближися) 561а, повели ша посьтрицѣ 610б, кнжь же 621б, въверзе 632а, измѣнися 3 мн. 597б, кнзивъ 251б, и нѣк. др. Замѣчательно, что смѣшенія оу и въ мы въ этомъ памятникѣ не находимъ, хотя и встрѣтимъ написанія, какъ оув овдокѣи 495а, оуво очи 495а, оув ондрѣана 452б, и другія; случаи, какъ а въ всих 500б, вм. а оу всихъ являются какъ исключенія. Смѣшеніе ч и ц вполнѣ обычно, но на лл. 159—214, писанныхъ другимъ почеркомъ, оно почти отсутствуетъ.

Псковской рукописью я признаю Новороссійскій списокъ главнымъ образомъ на основаніи смѣшенія шипящихъ и свистящихъ, но имѣю въ виду и другія явленія языка, а въ особенности графики, роднящія его съ памятниками, описанными Н. М. Каринскимъ. Кромѣ того за псковское происхожденіе говоритъ рѣшительно еще употребленіе въ мужескомъ родѣ имени новгородскаго Софійскаго собора: его же восхоцеть стыи Софеи 548а, побѣ вл*д*ка Иванъ стыи Софеи свинцемь 634а. Ср. подобное же употребленіе, чуждое памятникамъ новгородскимъ, въ псковскихъ лѣтописяхъ: напримѣръ, въ Псковск. 1-й: пре*д* сты*м* Софеемъ Погод. 141б, оу стого Софеа ib.

2. Ипатьевская лѣтопись была неоднократно изслѣдована со стороны языка. Теперь, благодаря труду Н. М. Каринскаго, становится вѣроятнымъ, что она переписана была въ Псковѣ. Укажу на графическія явленія, сначала безспорныя:

1) *а* вм. *я*: да искупають а русь 20а; 2) ъ вм. ь: невѣръя 304г, столпъемь 59в, игоръ 128б и др., королъ 147г, 148а и т. д., теребовелъ 168б, внукъ володимеръ 55а, снъ добрынъ 54а, братенъ приѣздъ 298г, солъ 266б, талъ 257а, аминъ 68а, князъ 196г, дъявола 79б, и т. д.; 3) ь вм. ъ: снемь 174б, вь киевѣ 204г, половцемь 198в, и т. д.; 4) рю, ря, ля вм. ру, ра, ла и т. д.: вечерю 71а, хорюговью 270а, оурянився 74г, кляняются 141в, ключьску 141в, 142б, грябя 177а, грябяху 209а, тмютороканю 75а, кюряне 130в, мюрому 107г, 108в, коломинскюю 266б и т. д.; 5) обратно, ру, ра, ла вм. рю, *ря*, *ля* и т. д.: оустрапавъ 168г, лоубо 236в, исполноу 237а, к теребовлу 167г, спратавше 108а, братноу 299в, 305г, разаню 85а, разяню 87г, роурикоу 245б, зати 148в, лубовь 13а; въстагноутис 79г, ѣдать 258г, князоу 281а, тестоу 261б, дождоу 251в, зятоу 116а и др.; 6) 3 л. глаголовъ на тъ: оучитъ 209в (рѣдко).

Спорныя явленія, въ которыхъ я вижу только графическій произволъ:

1) *е* вмѣсто *я* (ѫ, ѩ): възложише 99г, плакашеся 102в, оумиршеся 176а, цѣловаше 306г, сняше 249г, изеслава 31в, ятвеземь 255б, ятвѣзѣ 246в, ятвезѣ 272а, камену 109в, масленои 111г, бѣ бо церь обьдержае 273б; 2) *я* вм. *е*: оувядоша (въведоша) 146в, налягоша 81б, бяшять 108г, творяшяться 167а, срѣтьтя мя 283б, сѣвяры 10а, облистаями 52б, рогалия 77 г; послѣ шипящихъ—*а*: идѣжа 78в, плакашася 214г; 3) *я* вм. *ѣ*: того дяля 224б, святяся 287б, 289в, святящися 282а, оу вавилоня 74а, бяша (вм. бѣша) 11в; 4) *и* вм. *ы*: выдобичь 88в, ачо ти будешь 150а, въ силнии полкъ 150в, лодьи покрыти досками 153в, бголюбивии князь 620б, блговѣрнии князь 215а, воротинескъ 172б, 1 л. мн. есми 236в, покрили бяху 105б, не досити 113б, праведнихъ 27б, вѣрнихъ 258г, обычними 80б, заточени били 112в, взииде (при взыиде) 43г, изииде (при изыиде) 53в, разиидошася 50а, жены ведоми быша 194г, и др. 5) *ы* вм. *и*: замыслылъ 135г, съ своими с(ы)ны 156а, володаревы 188б, шлы бяхуть 204, сыи 205в (вм. сии), сыночи 91а, либывѣи конѣ вин. мн. 296б, княгины им. ед. 243в, прѣды поидетъ 99а, црквьнымы 282б, различнымы хоромы 300в, новыми людми крстьянымы 57б, великими и малымы 907а, с ратнымы 227в, с нимы 164г, и мн. др.; любопытно *ы* послѣ *ж* въ: въ сторожы 275в; *ы* на мѣстѣ *и*, замѣнившаго *ѣ*: нынык 88б, в черторыискы 707г, шоумьскы 247г; отмѣчу еще амфилохыя 96г; 6) *ѣ* вм. *и*: дщѣ 77б, дворѣ ваши пустѣ 82а, на лицѣ 61в, бывшѣ сѣчѣ 75а, оу мощѣи 78б, по заповидѣ 78б, тивунѣ

80а, о погубленѣи 83в, володимерьскѣи 83в, иноплеменнѣкы 81г, не створѣ 75а, ѣздѣлъ 305г, по пстѣнѣ 42б, втишѣ (утѣши) 74г, съ шѣи 50б, ко стоѣ бци 303в, старѣи и молодии 306в, пѣтѣ 50б, и т. д.; 7) *ѣ* вм. *и*, замѣнившаго графически *ы*: на товарѣ ихъ 204в, на скотѣ 62г, и др.; 8) *е* вм. *и*: свѣтелника 52б, истеньнаго 44в, прекрыти 208в, бывши распре 67г, щетъ 215б, мтре свии 170б, к моисѣеве 99а, к медвѣдеве 299г, королеве 140а, мьстиславечь 168г, не дале 293г, преидущемь 64а, грабите 80а и др.; 9) *и* вм. *е*: воиваша 262а, данилови жи 260б, младеницъ 40а, лѣтописицъ 96г, времини 268а и др.

Остановлюсь на нѣсколькихъ фонетическихъ явленіяхъ, засвидѣтельствованныхъ Ипатьевскою лѣтописью. Это, во-первыхъ, аканье: скарою 63г, вьсхапився 54в, не подабашетъ 220а, подабаеть 68а, даколи 209а, ярославля 135в, пакаславоу 257а, милога с(ы)на 245в, до осмога 73а, горажаномъ 303б; во-вторыхъ, смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: за соломя 157б, казгоша 84б, зелѣзо 86в, жижа 282б, замысляти 172г, възлозъше 78б, в пѣсцѣхъ 75а; въ-третьихъ, мѣна *ч* и *ц*; въ-четвертыхъ, мѣна у и в; въ-пятыхъ, замѣна *ѣ* черезъ *и*. Только относительно послѣднихъ двухъ явленій можетъ быть сомнѣніе, не восходятъ ли они къ южно-русскому оригиналу этой лѣтописи. Первыя три явленія, въ особенности же появленіе *с*, *з* вм. *ш*, *ж* указываютъ на Псковъ; графическіе пріемы ведутъ туда же, ибо они оказываются общими вообще псковскимъ памятникамъ XV вѣка. Необходимо отмѣтить, что Ипатьевская лѣтопись писана четырьмя почерками, отличающимися и по языку; но оставляю въ сторонѣ эти любопытныя отличія.

3. Троицкій списокъ XV вѣка Новгородской 1-й лѣтописи, хранящійся въ Императорской Археографической Коммиссіи и доводящій лѣтопись только до разсказа объ убіеніи Глѣба. Изобилуетъ неточностями и ошибками. Изъ явленій графическихъ отмѣчу: 1) *е* вм. *я* (ѧ, ꙗ): кшены 8г, кыены 15б, древлени 7в, тысещь 14б, слышевъ 47г, неуведающеи 68а, взяше 15в, обычею 45г, плакашеся 62а, дръжаше 9а; 2) *я(а)* вм. *е*: повѣдаша 3 ед. 31в; 3) *и* вм. *ы*: земнихъ 10б, гражани тв. мн. 21г, коумири вин. мн. 32в; 4) *ы* вм. *и*: въ своясы 5б, георьевы дат. ед. 64б; 5) *ѣ* вм. *и*: о нѣхъ 68б, сѣнеоусъ 4а, о пѣтьи 27б, за шѣю 34г, въ храмѣны 32а; 6) *и* вм. *е*: гл(агол)итъ 38б, расточины 28а, дорогожичимъ 21б.

Изъ явленій фонетическихъ можно указать на смѣшеніе *ж* и *з*, правда, въ рѣдкихъ случаяхъ: варяжи 4г, залѣзе женоу братню 22в.

Это смѣшеніе въ связи съ графическими пріемами указываетъ на Псковъ.

4. Креховская Палея XV вѣка, принадлежащая Креховскому Базиліанскому монастырю и извѣстная по обширнымъ выпискамъ, сообщеннымъ Ів. Франко въ I, а также отчасти и во II т., Апокріфи і легенди з україньских рукописів" (у Львові, 1896). Издатель этихъ выписокъ, описывая на стр. XLVIII и слѣд. рукопись, заключалъ на основаніи ея графики о несомнѣнно южно-русскомъ ея происхожденіи. Какъ увидимъ, особенности графики и языка указываютъ несомнѣнно на Псковъ. Изъ явленій графическихъ отмѣчу: 1) *а* вм. *я*: знаменіа LVII, уповаа 83, моа 129; 2) *е* вм. *я*: говедь 95, овче 102, егvптени 112, трудитисе 30, 3 мн. взяше 115, изѣдоше 141, начаше 65, 77, и др.; 3) *ѣ* вм. *я*: вин. мн. морѣ 232, рѣшѣ 130, увѣдаеть 17; 4) *я* вм. *е*: плямя 236, обрѣтоша поля вин. ед. 77, 3 ед. кладяшя 103, идяшя 128, прибеглъ бѣша 228, распаляша 156, агняця 225, пашяся (вм. пасяше); 5) *я* вм. *ѣ*: жряшя 284, живяховя 287, отселя 83, утерпя Заор. 121; 6) *я* вм. *ю* и обратно, какъ указаніе на среднеболгарское смѣшеніе юсовъ: 1 ед. не престая, непщюя 130, от праведнаго соудью 319; 7) смѣшеніе *ы* и *и*: жывящаго LV, тремы LXI, радостнимы устнамы 142, укрѣпы 121, змыя 34, острыя вин. мн. 116, висоту 78, рибеи LII, пустиню 114, риданіемъ 129, призивающи 132, укрию̂ся 117, помишленіа 78, им. ед. огнь негасиміи 114, проданни 141, от издраніи жилы 121; 8) смѣшеніе *е* и *и*: дщири 33, властимъ 115, Заор. внидн 96, именимь 226, *от* пищи халдеискы 231, пришидши 129, венѣ 135, старишеньству 139, двеженіе 17; любопытно живеши (вм. живяше) 103; *и* вм. *е*, замѣнившаго *я*: 3 мн. възшюмит 17, вѣди боуди 110 (возможно, что вмѣсто вѣды боуди), обратно: никтоже васъ печаленъ боуде о семь 142; 9) смѣшеніе *и* и *ѣ*: разумили 35, в води 290, не пощади Заор. 103, лицемирію 65, им. мн. несмысленѣ 65, дат. исаковѣ 232. Отмѣчу еще твор. ед. на ую: с похвалую 196, съ стоую Бцею LIII; далѣе 3 мн. боудути 197 (правильно объяснены такія формы на ти Н. М. Каринскимъ, стр. 41).

Еще нѣсколько данныхъ по языку: смалою 226, грамаду 229, въсхапивъ 286, подабает 82; отвердѣніе *р*: створу 82, 121, умору 132, баграница 142, узру 102, удару 285, градоуща 145, зверъ 124; отвердѣніе губныхъ: кровъ 34, любовъ 102, црквъ 232, любовъю 133; смѣшеніе звуковъ *ш*, *ж* и *с*, *з*: помышлих 80, пришагося (вм. присягоша) 228, гроженъ 231, книзници 286, мятося 132, здеть 130, замази 281, дружии 239, донелѣзе 110, требовася (вм. требоваша)

121, биша (вм. бися) 93, мерьжкихъ 290; *ч* смѣшивается съ *ц*: челова 174. Отмѣчу, наконецъ, форму привегли есме невѣсту 290, вм. привели.

III.

Послѣ предложенныхъ краткихъ описаній четырехъ предполагаемыхъ псковскими памятниковъ, намъ легче приступить къ разсмотрѣнію самаго изслѣдованія Н. М. Каринскаго, а именно той его части, гдѣ подъ рубриками фонетика (стр. 150—188) и морфологія (188—198) дается анализъ важнѣйшихъ особенностей псковскаго языка XV вѣка. Въ отдѣлахъ, озаглавленныхъ авторомъ: 1) Мѣна буквъ *е*(*ѣ*) и *а* (*ѧ ѫ*) въ псковскихъ памятникахъ XV вѣка, какъ отраженіе аканья, и 2) Приближеніе звука *и* къ звуку *ы*, разсмотрѣны такія явленія, которыя я выше въ своихъ описаніяхъ отдѣлилъ отъ явленій фонетическихъ, признавая ихъ слѣдствіемъ извѣстныхъ графическихъ пріемовъ. Здѣсь подробнѣе остановлюсь на возникшемъ между мною и авторомъ разногласіи и постараюсь доказать правильность моей точки зрѣнія на эти явленія.

Мѣна буквъ *е*(*ѣ*) и *а* (*ѧ*, *ѫ*) въ псковскихъ памятникахъ XIV и начала XV вѣка была впервые обнаружена А. И. Соболевскимъ. Онъ извлекъ изъ нея указаніе на два звуковыя явленія древняго псковскаго говора: во-первыхъ, на переходъ *а* въ *е*, какъ въ серединѣ словъ, такъ и въ ихъ исходѣ, какъ подъ удареніемъ, такъ и въ слогахъ неударяемыхъ (на стр. 145 „Очерковъ изъ исторіи русскаго языка" даны примѣры: воле, мое им. ед. ж. р., времѣ, сердце им. мн., царствие земьскае им. мн., лице р. ед., помышление р. ед., се вм. ся, сотворише 3 л. мн. аор.; въ описаніи памятниковъ приведены примѣры, какъ потресеся, смереяся, всекъ, обнищеша и мн. др.); во-вторыхъ, на переходъ *е* въ *а*, который имѣлъ мѣсто чаще въ исходѣ словъ, чѣмъ въ ихъ серединѣ, и при томъ какъ подъ удареніемъ, такъ и въ слогахъ неударяемыхъ (величья вм. величье, имя моя, негодующа вм. негодующе, въ чревя, въ пучиня, оца вм. отче, проглашася вм. проглашаше, идя вм. иде, множая вм. множае, и т. д.). „Псковское *а* изъ *е* не имѣетъ ничего общаго съ южновеликорусскимъ и бѣлорусскимъ *а* на мѣстѣ неударяемыхъ древнихъ *е*, *ѣ*"— такъ высказывался А. И. Соболевскій въ 1884 году. Замѣчательное наблюденіе А. И. Соболевскаго переворачивало установившіеся взгляды на древне-русскую фонетику въ особенности потому, что ничего подобнаго псковскому переходу неударяемыхъ и ударяемыхъ *е*, *ѣ* въ *а*

въ современныхъ русскихъ говорахъ не обнаруживается; сопоставленіе псковскихъ величья, здравья, камения и т. п. съ малорос. весілля, камінния, равно какъ сопоставленіе псковскихъ мьрзъчая, развѣя, новѣя и т. п. съ сѣверновеликорусск. сильнѣя, могутнѣя (оба сопоставленія были сдѣланы А. И. Соболевскимъ, на стр. 146)—нисколько не разъясняли сущности открытаго изслѣдователемъ явленія, ибо въ малор. *е* переходитъ въ *а* (независимо отъ ударенія) только послѣ долгой смягченной согласной, а въ сѣверновеликор. можно указать *а* вм. *е* только въ конечныхъ открытыхъ и притомъ неударяемыхъ слогахъ; между тѣмъ въ древнепсковскомъ говорѣ подобный переходъ имѣлъ мѣсто и послѣ одной согласной, распространяясь и на *ѣ*, какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба предположенные А. И. Соболевскимъ перехода звуковъ—*е* въ *а* и *а* въ *е* стоятъ какъ будто въ явномъ противорѣчіи другъ къ другу, и мы въ правѣ недоумѣвать, точно ли возможно допустить одновременный переходъ „изъ небытья“ въ „из небытье“, „клятва“ въ „клетва“, съ одной стороны, „твое божество“ въ „твоя божество“, „при костромѣ“ въ „при костромя“, съ другой. Недоумѣнные вопросы эти побуждали искать того или иного выхода для согласованія такихъ противорѣчивыхъ явленій: авторъ настоящихъ строкъ двукратно выступалъ, и оба раза совершенно неудачно, съ попытками объясненія этихъ явленій. Нисколько не выяснили сущности псковскихъ явленій и тѣ замѣчанія, которыя удѣлилъ имъ А. И. Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ (ср. 4-е изд. М. 1907). Отмѣтивъ, что звукъ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и j, какъ неударяемый, такъ и ударяемый, во многихъ случаяхъ ассимилировался въ русскомъ языкѣ съ предыдущимъ мягкимъ звукомъ и переходилъ въ *е*, А. И. Соболевскій, основываясь на псковскихъ памятникахъ XIV и XV вв., утверждаетъ, что *е* вм. *а* въ псковскомъ говорѣ того времени было весьма распространено; „псковское *е* изъ *а* слышалось обыкновенно (но не всегда) или въ концѣ словъ, или въ серединѣ словъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ. Время, когда закончился въ псковскомъ говорѣ переходъ *а* въ *е*, не можетъ быть нами опредѣлено—заключаетъ свои замѣчанія А. И. Соболевскій—за неимѣніемъ псковскихъ памятниковъ ранѣе XIV вѣка“ (стр. 88). Говоря выше о переходѣ *е* въ *а*, авторъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“ замѣчаетъ: „Общерусское *е* изъ древняго *е* и изъ *ъ* и сѣверно-русское *е* изъ *ѣ*, какъ неударяемое, такъ и ударяемое, въ старомъ псковскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—подвести которые подъ общіе законы мы не

можемъ—съ теченіемъ времени стало произноситься столь открыто, что наконецъ или очень приблизилось къ *а*, или даже отожествилось съ *а*... Время перехода псковскаго *е* въ *а* мы, за недостаткомъ памятниковъ, не можемъ опредѣлить даже приблизительно; но несомнѣнно, онъ начался задолго до XIV вѣка, въ то время, когда еще не успѣло развиться *о* изъ *е*, и въ XIV вѣкѣ былъ уже законченъ.—Необходимо имѣть въ виду, что псковскій говоръ въ XIV—XV вв. былъ акающимъ (см. выше) и что многіе изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *а, я* на мѣстѣ *ѣ, е*[1]) вполнѣ объясняются аканьемъ" (стр. 86). Итакъ, А. И. Соболевскій остался при прежнемъ своемъ утвержденіи: онъ допускаетъ переходъ удар. и неуд. *а* въ *е* послѣ мягкой согласной и j въ псковскомъ говорѣ, далѣе переходъ *е* и *ѣ* въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ въ *а*; но изъ сообщенныхъ въ „Очеркахъ", а также въ самихъ „Лекціяхъ" примѣровъ онъ находитъ возможнымъ исключить тѣ написанія, въ которыхъ *а* вм. *е* можетъ быть объяснено какъ результатъ аканья. Эта оговорка А. И. Соболевскаго нисколько не разъяснила вопроса: если, напримѣръ, солнце перешло, въ силу указаннаго закона о переходѣ *е* въ *а*, въ солнца, то „солнца" въ Параклитикѣ 1369 года не зачѣмъ объяснять аканьемъ, какъ это склоненъ, повидимому, А. И. Соболевскій; солнце по его мнѣнію перешло въ солнца еще ранѣе появленія *о* изъ *е* (т. е. появленія солнцо); аканье не должно было коснуться словъ съ неударяемыми *е* и *ѣ*, ибо еще до появленія аканья *е* и *ѣ* перешли въ *а*. Какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ „Лекціяхъ" на стр. 86, А. И. Соболевскій допускаетъ фонетическій переходъ *е* (*ѣ*) въ *а* и въ такихъ случаяхъ, какъ довляеть, при царя („почти несомнѣнно: царя́"—прибавляетъ онъ), въ вратяхъ, въ чревя, идя (аор.), имя моя и т. д. Становится совершенно непонятнымъ, при какихъ же условіяхъ *е* (*ѣ*) сохраняло свой древній звукъ, при какихъ условіяхъ изъ *е* развивалось *о*, и т. д.

Н. М. Каринскому пришлось высказаться по существу всѣхъ выдвинутыхъ А. И. Соболевскимъ вопросовъ, въ виду того въ особенности обстоятельства, что изученные имъ псковскіе памятники давали обильный матеріалъ для сужденія о нихъ. Съ напряженнымъ интересомъ ждалъ я найти въ изслѣдованіи Н. М. Каринскаго разгадку недоумѣнныхъ вопросовъ. Но оказалось, что онъ ни на одинъ

[1]) Напр., вѣроятно, случаи, какъ: всемирноя слова, солнца омрачашеся, повѣдаша старець.

шагъ не отступилъ отъ высказанныхъ А. И. Соболевскимъ предположеній. Такъ же, какъ А. И. Соболевскій, онъ объясняетъ мѣну *е*—*а* „по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ аканьемъ (стр. 153). Н. М. Каринскій былъ бы склоненъ объяснить всѣ случаи такой мѣны этимъ явленіемъ, если бы не оказывалось, что мѣна *е* и *а* наблюдается въ псковскихъ памятникахъ и въ ударяемыхъ слогахъ (стр. 155). Въ виду послѣдняго обстоятельства, онъ, такъ же, какъ А. И. Соболевскій, предполагаетъ, „что еще до развитія въ Псковѣ аканья уже существовали какія-то измѣненія гласныхъ *а* и *е*, какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ“ (стр. 156). Слѣдующая за симъ ссылка на „Лекціи“ А. И. Соболевскаго убѣждаетъ насъ въ томъ, что Н. М. Каринскій дѣйствительно принялъ точку зрѣнія своего предшественника. Поэтому всѣ высказанныя нами недоумѣнія, всѣ подсказанныя недоумѣніемъ возраженія остаются въ силѣ. Впрочемъ, Н. М. Каринскій въ одномъ отношеніи оказался осторожнѣе А. И. Соболевскаго: послѣдній допускаетъ переходы а въ е, е въ а, имѣвшіе мѣсто до появленія аканья; Н. М. Каринскій говоритъ о какихъ-то измѣненіяхъ гласныхъ *а* и *е*, отразившихся и „на характерѣ аканья при самомъ его возникновеніи въ псковской области“. По всему видно, что Н. М. Каринскій неохотно помирился съ тою точкой зрѣнія, на какую ему пришлось стать; нѣкоторый протестъ противъ собственнаго его объясненія видимъ и въ дальнѣйшемъ замѣчаніи, гдѣ авторъ указываетъ, что матеріалъ, по которому можетъ быть прослѣжена мѣна *е* и *а* въ ударяемыхъ слогахъ, слишкомъ недостаточенъ, и, при неразработанности исторіи русскаго ударенія, его выдѣлять иногда чрезвычайно затруднительно“ (стр. 156). Ту же мысль и по поводу того же явленія — мѣны *а* и *е*—авторъ высказываетъ въ примѣчаніи на стр. 16: „При неразработанности исторіи русскаго ударенія, конечно, трудно въ настоящее время съ несомнѣнностью опредѣлить ударяемость того или другого слога въ псковскомъ нарѣчіи XV вѣка“. Не сквозитъ ли за этимъ предположеніе, что мы не имѣемъ достаточныхъ основаній предполагать, что слоги, гдѣ *е* и *а* чередуются какъ будто подъ удареніемъ, были дѣйствительно неударяемы въ псковскомъ говорѣ? Совсѣмъ иначе высказывается по этому же поводу А. И. Соболевскій: „Мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что система ударенія въ древнемъ псковскомъ говорѣ была отлична отъ системы ударенія въ другихъ древнихъ и современныхъ великорусскихъ говорахъ“ (Очерки, стр. 145). Думаю, что А. И. Соболевскій правъ, и что напрасно Н. М. Каринскій

возлагаетъ надежду на то, что число случаевъ, гдѣ мѣна *е — а* допускаетъ объясненіе аканьемъ, можетъ быть хоть нѣсколько расширено, и что напротивъ число случаевъ, гдѣ *е—а* смѣшиваются подъ удареніемъ, возможно уменьшить предположеніемъ, что соотвѣтствующія слова имѣли иное удареніе, чѣмъ въ нашемъ, литературномъ языкѣ.

И еще одно замѣчаніе. Напрасно Н. М. Каринскій видитъ затрудненіе для объясненія всѣхъ случаевъ мѣны *е—а* въ псковскихъ памятникахъ аканьемъ въ одномъ только ударенiи. Терминъ аканье вообще требуетъ точнаго опредѣленія; изъ разсужденій Н. М. Каринскаго я не могъ выяснить, что̀ собственно, какія именно явленія онъ разумѣетъ подъ аканьемъ. Онъ объясняетъ аканьемъ и такія явленія, какъ поля вм. ожидаемаго поле, и такія, какъ воле вм. ожидаемаго воля: чередованіе *е—а* въ подобныхъ словахъ доказываетъ, по мнѣнію Н. Н. Каринскаго, что „звуки *е* и *а* въ опредѣленныхъ случаяхъ, въ конечномъ открытомъ слогѣ совпали въ одномъ звукѣ и, всего вѣроятнѣе, въ звукѣ ӓ, наклонномъ къ *е*". Аканьемъ объясняется предположительно и мѣна *е—а* въ словахъ, какъ потресеся, паметь, съ одной стороны, ицѣлявающихъ, соудищамъ, съ другой. Наконецъ, именно аканьемъ объясняются случаи, какъ ращи, ракоша, жералъ (стр. 153), при чемъ, какъ видно изъ словъ автора на стр. 154, здѣсь имѣла мѣсто замѣна *е* черезъ *а* послѣ отвердѣвшаго *р*. Мнѣ кажется, что Н. М. Каринскій становится на очень скользкій путь, когда обобщаетъ рядъ явленій однимъ понятіемъ аканье. Подъ аканьемъ разумѣется переходъ *о* въ *а* въ неударяемыхъ слогахъ: ср. южновеликор. и бѣлор. вада́ вм. вода́, сло́ва вм. слово, бѣлор. галава́ вм. голова, южновеликор. и бѣлор. са́ло вм. со́ло, по́ла вм. по́ло. Появленіе са́ло вм. со́ло, са́стра вм. со́стра, ва́сна вм. во́сна вызывало нефонетическое вытѣсненіе произношенія се́ле, се́стре, ве́сне черезъ са́ле, ва́сне, са́стре; такимъ образомъ замѣна *е* черезъ *а* не есть собственно аканье; оно возможно какъ слѣдствіе аканья, распространеніе фонетическаго явленія путемъ аналогіи. Съ этой, какъ мнѣ кажется, всѣми принятой точки зрѣнія, ни московское тресу (вм. трясу), сестра (вм. сёстра), ни предполагаемое древнепсковское тресеся, истезаниe не могутъ быть отнесены къ явленіямъ аканья—и это тѣмъ болѣе, что такое же произношеніе извѣстно во многихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, не знающихъ вообще аканья. А. И. Соболевскій имѣлъ гораздо больше основаній сопоставить псковскія потресеся, не увѣдающеи, съ одной стороны,

смересся, въпиеше, съ другой, съ соотвѣтствующимъ переходомъ *а* въ *е* въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ; предположеніе Н. М. Каринскаго, что передъ нами въ такихъ случаяхъ явленія аканья, запутываетъ, а не разъясняетъ дѣло. Равнымъ образомъ подъ аканьемъ нельзя разумѣть и совпаденіе *е* и *а* въ открытомъ конечномъ слогѣ въ звукѣ *а*, наклонномъ къ *е*. Если Н. М. Каринскій разумѣетъ подъ аканьемъ ослабленіе гласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ, потерю ими ихъ первоначальнаго звука и смѣшеніе съ другими звуками, то ему во всякомъ случаѣ надо было бы разъяснить такое употребленіе термина аканья и объяснить, почему въ неударяемомъ слогѣ является, съ одной стороны, *е* вм. *а* въ потресеся, а съ другой, *а* вм. *е* въ дябренскыхъ (вм. дебрянскыхъ). Кромѣ того, ему надлежало бы выяснить, какъ онъ понимаетъ переходъ *е* въ *а* въ слогѣ неударяемомъ послѣ отвердѣвшаго *р*; Н. М. Каринскій такъ именно объясняетъ себѣ переходъ рещи въ ращи, рекоша въ ракоша въ древнепсковскомъ говорѣ. Если мы въ современномъ бѣлорусскомъ или южновеликор. говорѣ найдемъ сяло, вясна, то объясняемъ ихъ изъ с́оло, в́осна; казалось бы естественнымъ и псковское ракоша объяснять изъ р́акоша, замѣнившаго р́окоша. Сначала мнѣ показалось, что Н. М. Каринскій настаиваетъ на томъ, что отвердѣніе *р* въ псковскомъ говорѣ имѣло мѣсто раньше аканья; поэтому ракоша онъ возводитъ къ рокоша, а это къ р́окоша; подтвержденіемъ для этого могли бы служить написанія берога, теромъ, череду при жералъ; берога указываетъ какъ будто на сочетаніе ро изъ ре, а жералъ представляетъ указаніе на дальнѣйшій переходъ ро въ ра. Но сопоставленіе сказаннаго Н. М. Каринскимъ на стр. 182 съ тѣмъ, что онъ говоритъ на стр. 153, и 154, убѣждаетъ въ томъ, что дѣйствительно онъ допускаетъ переходъ *е* въ *а* послѣ отвердѣвшаго *р* въ неударяемыхъ слогахъ: б́ерега измѣнилось въ б́ерега, и уже отсюда б́ерага; написанія берога и т. п. на стр. 182—183 истолковываются какъ полуороографическія, полу-фонетическія; *о* обозначаетъ въ нихъ не *о*, а *а* склонное къ *о*. Какое же основаніе могъ бы привести Н. М. Каринскій для допущенія перехода *е* послѣ твердой согласной въ *а* склонное къ *о*: ракоша, пограбену? Подобное явленіе во всякомъ случаѣ ничего общаго съ аканьемъ имѣть не будетъ. Что случаи въ родѣ „ращи“ слѣдуетъ объяснять именно аканьемъ, — читаемъ мы на стр. 153,—„это также подтверждается широко распространенной замѣной въ памятникахъ XV вѣка префикса пре черезъ про и обратно въ неударяемыхъ слогахъ“. На стр. 181 мѣна префиксовъ пре и про

приводится авторомъ въ доказательство существованія въ псковскомъ говорѣ твердаго *р*. Не могу согласиться съ авторомъ. Начать съ того, что префиксъ пре встрѣчается только въ словахъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка. Вмѣсто него, какъ мы впервые узнали изъ книги Н. М. Каринскаго, въ нѣкоторыхъ псковскихъ памятникахъ употреблялся префиксъ про: просвѣтлый, прольститься, огню продати, пробореть, любити богатыя а оубогия прозрети и т. д. Понимаю это явленіе какъ замѣну чуждаго префикса своимъ русскимъ и вижу аналогію въ замѣнѣ префикса пре префиксомъ при, напримѣръ, во многихъ южно-русскихъ памятникахъ, гдѣ при нельзя вывести изъ прѣ, какъ въ виду отсутствія въ нихъ перехода *ѣ* въ *и*, такъ и въ виду того еще, что церковное прѣ не сохранило бы въ нихъ своего *ѣ* (ср. появленіе *е* систематически въ словахъ какъ среда, время, чрево и т. д.); ср. напримѣръ при- вм. пре- въ Галицк. ев. 1266—1301: примудрость, прибиша голѣни, прибываите (*и* вм. *ѣ* только въ свѣдительство, въ терпѣньи вашимь, нишстовъ, ср. Соболевскій, Очерки, стр. 24). И Н. М. Каринскій на стр. 137 и др. говоритъ о „замѣнѣ" префикса пре- префиксомъ при- въ псковскихъ памятникахъ.

Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе о существѣ относящихся сюда явленій, я опредѣлю точнѣе свои возраженія противъ мнѣнія А. И. Соболевскаго и Н. М. Каринскаго. Во-первыхъ, допустивъ вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ измѣненіе въ періодъ, предшествовавшій аканью, древнепсковскаго *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ, я не могъ бы допустить одновременнаго перехода *е* въ *а*; невозможно допустить, чтобы иде́ (3 аор.) перешло въ ида́, а время́ въ време́, ибо време́ измѣнилось бы опять въ время́ подъ дѣйствіемъ закона о переходѣ *е* въ *а*, а ида́ измѣнилось бы опять въ иде́ подъ дѣйствіемъ закона о переходѣ *а* въ *е*. Изъ весьма осторожныхъ и неопредѣленныхъ выраженій Н. М. Каринскаго можно какъ будто заключить, что звуки *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ совпали въ древнепсковскомъ говорѣ въ одномъ звукѣ *а*, наклонномъ къ *е* (*ӓ*; ср. стр. 156 и 154), слѣдовательно, что иде́ перешло въ идӓ́, а время́ въ времӓ́. Но такая постановка вопроса противорѣчитъ дальнѣйшему объясненію Н. М. Каринскаго: онъ допускаетъ появленіе въ позднѣйшій періодъ жизни псковскаго говора аканья, разумѣя подъ аканьемъ между прочимъ переходъ неударяемаго *е* въ *а*, а слѣдовательно также переходъ и *ӓ* въ *а*; идӓ́, времӓ́ перешли въ ида́, время́. Но почему же въ псковскихъ памятникахъ, уже несомнѣнно акающихъ, пишутъ времѣ, воле въ им. ед., почему аканье не стерло окончательно памяти объ *ӓ*, замѣ-

нившемъ въ предшествующій періодъ *е* и *а*? Я понимаю сохраненіе традиціоннаго написанія, какъ иде вмѣсто и́да, но воле вмѣсто воля не можетъ же быть объяснено какъ написаніе традиціонное, свидѣтельствующее о произношеніи вола́ въ болѣе древній періодъ, предшествовавшій аканью.

Во-вторыхъ, и А. И. Соболевскому и Н. М. Каринскому приходится допустить совпаденіе въ древнепсковскомъ говорѣ *ѣ* и *е* въ одномъ звукѣ, а между тѣмъ памятники свидѣтельствуютъ о противномъ; *ѣ*, въ особенности въ концѣ словъ, постоянно замѣняется черезъ *и*. Н. М. Каринскій не объясняетъ, какъ могутъ ужиться въ одномъ говорѣ формы на холми, в земли пюдіни и пре царя, на израиля (Палея 1494 г.).

Въ-третьихъ, ни А. И. Соболевскій, ни Н. М. Каринскій не указали на какія-либо соотвѣтствія предполагаемымъ древнепсковскимъ измѣненіямъ въ современныхъ говорахъ. Правда, нельзя не согласиться съ Н. М. Каринскимъ, который на стр. 165 говоритъ, что свѣдѣнія о псковскихъ говорахъ скудны и не всѣ они приведены въ извѣстность, но тѣмъ не менѣе изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ ясно, что псковскіе говоры ничѣмъ существенно не отличаются отъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ вообще въ явленіяхъ, связанныхъ со звуками *е* и *ѣ*; между тѣмъ на всемъ пространствѣ русской земли не найдется говоровъ, которые измѣнили бы, напримѣръ, *ѣ* подъ удареніемъ въ *а*; слѣдовательно, допустить на основаніи написаній на рѣкя, при царя, при посадницѣ Кostromя произношеніе ре́ка, ца́ра, Кострома́ представляется невѣроятнымъ.

Въ-четвертыхъ, на л. 127 об. Погод. списка № 1413 читаемъ: „еще онъ тои Иванко Торгоша и вѣсть ко Пскову пригонивъ сказалъ, и Псковъ его и рублям жаловалъ, а того не вѣдая" (1469 годъ, П. С. Р. Л., IV, 233), при чемъ въ Архивскомъ спискѣ „и рублямъ". Въ написаніи рублямъ вмѣсто рублемъ ясно обнаруживается именно графическая замѣна *е* черезъ ѧ, ибо въ живомъ произношеніи здѣсь было конечно *о*: рубло́м. Ср. также вся вмѣсто всё въ псковскихъ памятникахъ: здѣсь *а* замѣнило бы, слѣдовательно, ударяемое *о*, ибо мы должны исходить изъ формы всё, а не все.

Въ виду всего этого и въ особенности невозможности допустить, чтобы написанія, какъ на рѣкя, о боудоущимъ огня, вся запсковье и т. п. отражали живое мѣстное произношеніе, естественно поставить вопросъ, не вызваны ли они тѣми или иными графическими явленіями? И прежде всего возникаетъ предположеніе о томъ, что

мы въ подобныхъ написаніяхъ должны видѣть результатъ ино-славянскаго вліянія на древнюю нашу письменность: мы знаемъ, что звуковыя измѣненія давали полное основаніе для смѣшенія буквъ ꙑ и ѣ въ болгарскихъ памятникахъ и для смѣшенія ѧ и *е* въ сербскихъ; мы знаемъ изъ предыдущаго, что псковскіе памятники весьма ярко отражаютъ южно-славянское вліяніе, усвоивши себѣ многіе пріемы южно-славянской графики (ср. арославъ вм. ярославъ, употребленіе большихъ юсовъ, смѣшеніе ла, лу, на и т. д. съ ля, лю, ня); считаемъ себя поэтому въ правѣ искать причину мѣны *е* и *я* въ псковскихъ памятникахъ все въ томъ же южно-славянскомъ на нихъ вліяніи.

Весьма любопытно, что южно-славянское вліяніе на псковскихъ памятникахъ отражаетъ не только средне-болгарскія, но и сербскія особенности. Написанія сющу Паракл. 1386, сющю, еретическю Прол. 1383, визю, образю Палея 1494 обычны именно въ сербскихъ памятникахъ. Отмѣтимъ еще, напримѣръ, Павалъ (вм. Павелъ) въ Паракл. 1386 г., бритва изоскьрена [1]) Типогр. псалт. XIV вѣка № 35. Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что на псковскую письменность прямое или косвенное вліяніе (объ этомъ скажемъ ниже) оказали такіе средне-болгарскіе памятники, въ которыхъ были и сербскія черты, или же такіе сербскіе памятники, въ основаніи которыхъ лежали средне-болгарскіе оригиналы. Такіе памятники вообще очень многочисленны. Укажу изъ памятниковъ XIII—XIV вѣка на Волканово евангеліе (сербское, восходящее къ среднеболг. оригиналу), Берлинскій сборникъ XIII вѣка (сербскій списокъ съ средне-болгарскаго оригинала), бумажную рукопись Берлинской королевской библіотеки № 19 конца XIV вѣка (первая часть ея средне-болгарская, но содержитъ сербизмы), Евангеліе Верковича XIII—XIV вѣка Имп. публ. библіотеки I, № 43 (переписчикъ сербъ довольно точно копировалъ свой болгарскій оригиналъ), Евангеліе XIII—XIV вѣка Бѣлградской библіотеки № 214 (переписчикъ сербъ точно передавалъ свой болгарскій оригиналъ), Евангеліе XII—XIII вѣка Бѣлградской библіотеки № 69 (переписчикъ сербъ точно передавалъ свой болгарскій оригиналъ), Евангеліе Софійской народной библіотеки № 184 (писано или въ Западной Болгаріи или сербомъ, очень точно передававшимъ свой средне-болгарскій оригиналъ), Евангеліе той же библіотеки

---

[1]) То, что говоритъ объ этой формѣ Н. М. Карпинскій на стр. 186, основано на недоразумѣніи.

№ 273 XIII вѣка (переписчикъ сербъ, стремившійся сохранить правописаніе подлинника) и мн. др. [1]). Не нахожу ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что такіе памятники могли заходить и въ русскую землю; можно указать даже чисто сербскіе оригиналы нѣкоторыхъ русскихъ памятниковъ XIV вѣка. Исходя изъ предположенія, что и въ Псковъ тѣмъ или инымъ путемъ проникали особенности средне-болгарскихъ памятниковъ, испытавшихъ на себѣ сербское вліяніе, я ищу именно въ подобныхъ памятникахъ причину отмѣченной сначала А. И. Соболевскимъ, потомъ Н. М. Карпнскимъ мѣны *е* (*ѣ*) и *а* (ѧ, ꙗ) въ псковскихъ памятникахъ.

Остановлюсь, напримѣръ, на Берлинскомъ сборникѣ XIII вѣка. Переписчикъ средне-болгарскаго оригинала, сербъ по происхожденію, произносилъ ѧ своего оригинала какъ *е* и кромѣ того произносилъ одинаково буквы *е* и *ѣ*; послѣднее доказывается написаніями какъ о хлѣбе, пѣсь, вождевѣ и т. п. Вслѣдствіе этого, обращаясь къ буквамъ ꙗ, ѧ, *е*, *ѣ*, находимъ у него: 1) замѣну ѧ черезъ *е*: месь, памети, припеше, бѣгае, носе, жетва, име, рѣше, бише; замѣну ѧ черезъ *ѣ*: ослѣ, поглѣдаеть, спѣщиа; 2) замѣну ꙗ черезъ *ѣ*, согласно съ болгарскимъ оригиналомъ: на царѣ, землѣ перская, до морѣ, утварѣтисѧ; 3) замѣну *е* черезъ ѧ: вниидетѧ, обрѣщетѧ, молитѧ, исцѣлаетѧ, пиитѧ, творитѧ, не хощетѧ, рьцѣтѧ; сѧ вм. се; обрѣтѧ (Заор.) принесѧ, излѣзѧ, вьлѣзѧ, отчѧ (зв. ед.), боларѧ, тѣлесѧ, клѧвещеть, чѧлюсти, нерѫкотворѧнихь, трапѧзы, нзрѧти; 4) замѣну *ѣ* черезъ ѧ: на трапѣзѧ, о клевѣтѧ, лютѧ, зрѧти.

Въ Софійскомъ пергаменномъ евангеліи № 184 находимъ: 1) замѣну ѧ черезъ *е*: увену, вьмѣстеть, видеше; 2) замѣну *е* черезъ ѧ: обрѧщетѧ, колеблѧмѫ; 3) замѣну *ѣ* черезъ ѧ: ѿвѧщаваеши; 4) замѣну ꙗ черезъ *ѣ*, согласно болгарскому оригиналу: землѣ, волѣ.

Въ Евангеліи Верковича Публ. библ., I, № 43: 1) замѣна ѧ черезъ *е*: ме, вьпрошаше 3 мн., чедо, твореть, начело; 2) замѣна ꙗ черезъ *ѣ* согласно съ болгарскимъ оригиналомъ: волѣ им. ед., вьсѣкь, помышлѣти, боурѣ им. ед., распрѣ им. ед., творѣше; 3) замѣна *е* черезъ ѧ: сѧ (вм. се), болѧи вм. болеи, вь стѧгнахь; 4) замѣна *ѣ* черезъ ꙗ согласно съ болгарскимъ оригиналомъ: мнꙗ, о

---

[1]) Ср. описаніе этихъ памятниковъ въ статьяхъ С. М. Кульбакина: Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1898, кн. 4-я; Сборникъ Отд. русск. яз. и слов., т. LXIX, прил. № 3; *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1904 г. № 7, 1905 г. № 5. Описаніе Берлинскаго сборника дано также Ягичемъ въ V кн. Starine.

многѣи слоужбы, на селы, мни (мнѣ), годины дат. ед., тебы, бы, вь таіны.

Въ Бѣлградскомъ евангеліи № 69: 1) замѣна ѫ черезъ *е*: помолисе, хотеще; 2) замѣна ѫ черезъ *ѣ*: кнѣзь, смыслѣща, грѣдии; замѣна ы черезъ *ѣ* согласно съ болгарскимъ оригиналомъ: учителѣ, противлѣѫщесе.

Въ пергаменномъ отрывкѣ XIII вѣка, принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ, № 4, 5, 12, находимъ: 1) *е* вм. ѫ: боресѫ, удивещесѫ, въплъщеисѫ, 2) *ѣ* вм. ы согласно съ болгарскимъ оригиналомъ: живодателѣ, вьсхвалѣѫще; 3) ѫ вм. *е*: испроситѫ, поитѫ, зачѫнши, придѣтѫ, гл(агол)ѫть, умрѫши, вьзѫмше, затворѫнѫ и др.

Евангеліе-тетръ XV вѣка, принадлежащее Кіевской Духовной Академіи и описанное Г. Крыжановскимъ [1]): 1) *е* вм. ѫ: бѣше, взвѣаше вѣтри, изиидоше, бѣжаше, 3 мн. послѣдствоваше; *ѣ* вм. ѫ: четыринадесѣте, сѣмѣ, распѣшѫ, молѣ, свѣзнѣ (вм. свѫзны) 2) *ѣ* вм. ы согласно съ оригиналомъ: прѣмо, ц(а)рѣ, всѣкь, оставлѣете; 3) ѫ вм. *ѣ*: клѫть, оузрѫшѫ, възгорѫсѫ, вънѫшнее, вънѫ.

Въ Пражскомъ евангеліи XV вѣка находимъ: 1) *е* вмѣсто ѫ: свежеть, сѣме, сѣдеще; 2) *ѣ* вм. ѫ: кнѣзь, грѣдеть, клѣтвоѫ, ослѣ, творѣть; 3) ѫ вмѣсто *е*: врѣмѫне, истѫкѫть, понесѫ 3 аор., сѫдѫ 3 наст., распѫнше; 4) ѫ вм. *ѣ*: обрѫте, врѫмѫ, вѫсп, скрѫбѫти, бесѫдоваста, въсхотѫ 3 аор., вънѫ нарѣч., въ сплуамѫ, въ началѫ, на мѣстѣ свѫтѫ, лютѫ нарѣч., бѫ [2]).

Въ одной изъ грамотъ XV вѣка Севаст. собранія Зографскаго монастыря: 1) *ѣ* вм. ѫ: дѣсѣть; 2) ѫ вм. *ѣ*: вѫкоупѫ, слѫте, мѫсто; 3) ѫ вм. *е*: мѫне, оутѣшителю [3]).

Укажу еще на Тріодь Имп. Акад. Наукъ XV—XVI вѣка (13. 1. 19). Отмѣчу нѣсколько примѣровъ на пространствѣ десяти листовъ: 1) *е* вм. ѫ: причестникь 122; *ѣ* вм. ѫ: обрѣщеши 121; 2) *ѣ* вм. ы: всѣком 121, соединѣема 124; 2) ѫ вм. *е*: седмицѫѫ 125, зачѫнши 125, пѫтдѫсет 126, благопріѫтноѫ врѣмѫ 122, великоѫ и страшно твое пришествіе 124, слово събезначѫлноѫ 126; 3) ѫ вм. *ѣ*: жрѫбѫ 125, не вѣдѫ 120, тѫмже 129, въ всѣком злѫ 121, и т. д.

Необходимо отмѣтить, что подобныя же явленія могутъ встрѣтиться и въ такихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, которыя стоятъ

[1]) Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ, стр. 141 и сл.

[2]) G. Polívka въ Starine, XIX. 203—204.

[3]) *П. А. Лавровъ*, Обзоръ, стр. 30.

внѣ сербскаго вліянія, а именно въ памятникахъ македонскихъ или западно-болгарскихъ.

Такъ въ Добромировомъ евангеліи XII вѣка находимъ почти полное вытѣсненіе ꙗ черезъ *ѣ*: ѣви, землѣ, моѣ волѣ, граждѣне, слышѣли, дръжѣти и т. д. Рядомъ *ѣ* вм. ѧ: грѣдеть, сѣмѣ, грѣдыи и т. п.; *е* вм. ѧ: сьнетисѧ, наче, бѣше; ѧ вм. *ѣ*: свѧть (вм. свѣтъ), о выпрошьшимь законьницѧ, на свѣщьницѧ, два птѧньца; ѧ вм. *е*: на дѧсѧте, мѧтѧжи [1]). Въ Македонскомъ апостолѣ вмѣсто *ѣ* послѣ свистящихъ пишется *а*: вь облаца, вь вѣцахь, вь ѧзыцахь, дат. ноза; также послѣ *р*: чраво, стражахѫ; послѣ губныхъ: вароваша, вь врьтпахь; ꙗ вм. *ѣ*: о христꙗ, прꙗмѫдро; *ѣ* вм. ꙗ обыкновенно въ началѣ слога, а также послѣ согласныхъ: хотѣше, четениѣ, отечествиѣ. Рядомъ *ѣ* вм. ѧ: всѣи; *е* вм. ѧ: сеженеи, олекьчише 3 мн.; ѧ вм. *е* (*ь*): съмрьтьвнꙑѧ, нѣсѧмь отлѫчѧнь [2]). Въ Боянскомъ евангеліи XII—XIII вѣка *ѣ* замѣняетъ почти постоянно ꙗ послѣ согласныхъ. Рядомъ ѧ вм. ъ: жѧнеши, начѧнеши, чѧтошѫ, почѧтеть, жръчѧскамъ, грьчѧскꙑ, начѧнъ, начѧнше, прѣлѧстѧть, вꙑнѧзь на трьстъ, вь стѧгнах; ѧ вм. *е*: поемлѧтсѧ 3 ед. [3]).

Такимъ образомъ смѣшеніе буквъ *е—а* могло проникать въ русскую письменность и изъ чисто болгарскихъ источниковъ; особенно же легко объяснить замѣну ꙗ черезъ *е* вліяніемъ такихъ источниковъ; смѣреяся восходитъ къ смѣрѣѧсѧ, воле мое къ волѣ моѣ, при чемъ *ѣ* графически замѣнялось русскимъ писцомъ черезъ *е*.

Въ виду сдѣланныхъ указаній разсмотрю всѣ категоріи случаевъ смѣшенія буквъ *е—а* въ псковскихъ памятникахъ и сопоставлю ихъ съ данными, извлекаемыми изъ средне-болгарскихъ памятниковъ.

1) *е* замѣняетъ старый ѧ, напримѣръ: стежа Паракл. 1369, потресеся Паракл. 1386, памет Палея 1477, кладезь Палея 1494, прогнаше 3 аор. мн. Паракл. 1369, повѣдаше Прол. 1383, быше Паракл. 1386, надѣитесе, възвеселисе Типогр. псалт. XIV вѣка № 35, ползае, приемле, хоте Палея 1494, прозреше, слышаше Палея 1494, начаше Чуд. сб. № 255, каменье гореще Новоросс. списокъ, и т. п. Ср., напримѣръ, въ Берлинск. сборникѣ: памети, носе, вьземле, слоушае, погоубише, не вьзмогоше, рѣше, противесе.

2) *ѣ* замѣняетъ старый ѧ, напримѣръ: свѣзасте, клѣтвѣ, неувѣ-

[1]) V. Jagić, Evangelium Dobromiri (Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenchaften in Wien, B. 198).

[2]) G. Polivka въ Archiv f. slav. Phil. X, 120—122.

[3]) С. М. Кульбакинъ въ Изв. Отд. русск. яз. и сл. 1899, кн. 3-я.

дущюю Паракл. 1369, врѣмѣ Прол. 1383, времѣ, отѣгтѣша Типогр. псалт. XVI вѣка № 35, сходѣть, оувѣдаеть, ненавидѣи Палея 1494, обрѣщетсѧ, зрѣще Чуд. сб. № 270, скорбѣщихъ Чуд. сб. № 255, овцѣ (овчѧ) Соф. № 1262. Ср. Берлинск. сб.: ослѣ, мнѣи (мнѧи), поглѣдаеть, обрѣщетѧ; Бѣлградск. ев. № 19: кнѣзь, смыслѣща, Добромир. ев.: сѣмѣ, Макед. ап.: висѣи и т. д.

3) *ѣ* замѣняетъ ожидаемое *ѧ*: клятва прабабнѣя Паракл. 1369, чѣсъ, всѣку, с(вя)т(ы)ня гнѣ прил. къ Паракл. XV вѣка (Оч. 127), старицѣ им. ед., въ стьклѣници Прол. 1383, того делѣ, дерзновенье делѣ, от лицѣ, избавлѣющю Типогр. псалт. XIV вѣка № 35, птицѣмъ Лук. ев. 1409, бурѣ, овцѣ, иноплемѣньницѣ им. ед. Соф. № 1262, красотъ дѣлѣ, морѣ вин. мн. Палея 1494. Ср. обычныя въ среднеболгарскихъ памятникахъ написанія: Ев. XIII—XIV вѣка Верковича: боурѣ, чѣса. Ев. Сречковича: ладиицѣ им. ед. [1]).

4) *е* замѣняетъ ожидаемое *ѧ* послѣ согласныхъ: провѣщелъ, мѣдвеню воню, иного прибѣжище, Паракл. 1369, *от* с(вя)тилище, внутрьнея ея Прол. 1383, преже слнце, разбойника покаявъшеся, смереяся Паракл. 1386, роса сходящея Типогр. псалт. XIV вѣка, № 34, *от* лице, огне негасимаго, срдце ваша, всекъ днь, исправлееши, обнищеша Типогр. псалт. XIV вѣка № 35, хранилище своя, безъ влагалище, сего дѣле Лук. ев. 1409, на краи море, во всекомъ Палея 1494, отроковицемь дат. мн., египтени, мѣдени, изльтени, можеше Палея 1477, б(огороди)це, г(оспо)же Чуд. № 255, граженѣ, обычеи, стяженіемъ Новоросс. сп.; въ этихъ случаяхъ *е* восходитъ къ *ѣ* южно-слав. оригиналовъ, ср. въ Боянск. ев.: въсѣкъ, оставлѣти, обычѣи, Вѣнскій сборникъ XIII вѣка № 137: волѣ им. ед., огнѣ р. ед., Охридск. апост. XII вѣка: г(оспод)нѣ им. ед., волѣ, всѣкъ, Отр. четвероев. Григоровича XIII—XIV вѣк.: морѣ р. ед., оставлѣеть.

5) *е* замѣняетъ ожидаемое *ѧ* послѣ гласныхъ: из небытье, дхъ спсние, твоего хваление Паракл. 1369, *от* смѣрение, дивнаго угожение, вся прошение Прол. 1383, прѣже зачатие, бжия покаяние, с(ы)на бие, бжие закона, въпиеши, излиеною Паракл. 1386, моего покаяние Типогр. пс. XIV вѣка № 34, слава мое, уста мое, судье им. ед., *от* облистание Типогр. пс. XIV вѣка № 35, марие, црствие бжие дѣля, стго игнатие Лук. ев. 1409, даръ исцѣление, дрѣво спсние, образъ утешеніе, въ питие мѣсто Палея 1494, *от* возглавие Палея 1477, тоі перемирье, на память возвращеніе мощеи Погод. № 1413,

[1]) Gj. Polívka въ Starine XXIX.

ра*д* спсние, тишина велие Чуд. № 270, вся съгрѣшенье свое, *от* житье сего Чуд. № 255, в питие мѣсто, злаго оучение, оружие носящи всякая, многа искушение Соф. № 1262. И въ этихъ случаяхъ *е* восходитъ къ *ѣ* южнослав. оригиналовъ, ср. обычныя въ нихъ написанія, какъ марiѣ, бжиѣ закона, прѣжде зачатиѣ, слова моѣ, дрѣво спсениѣ и т. д.

6) ѧ замѣняетъ старое ъ: агняца, зачанши Паракл. 1369, начанше Типогр. пс. XIV вѣка № 35, крѣпляи Палея 1494, дняшняго Палея 1497, вынямъ, отнямъ Погод. № 1413, бжествяному Новср. списокъ. Ср. Боянск. ев.: начѧише, Еванг. Верковича: болѧи, указанный выше отрыв. Имп. Ак. Наукъ: вьзѧмше, зачѧнши.

7) ѧ замѣняетъ старое *е* послѣ согласныхъ: колясницами Паракл. 1369, тѣм жя, с(вя)тыя жя епспы, идя Заор., срѣтя 3 аор. Прол. 1383, ястя 2 л. мн. Лук. ев. 1409, колясницю, принеся Палея 1494, колясница, коляса, моря мѣдное, я (вм. е вин. ед. ср. р.) Палея 1477, вся Зансковье Погод. № 1413, створитя, проведя 3 аор. Чуд. № 270, вся съгрѣшенье свое Чуд. № 255, я (вм. е) Соф. № 1262, плямени вм. племени Псковск. судн. грамота, оувядоша, налягоша, бяшять, творяшяться, стрѣтьтя Ипат., колясы, тенята, трепящать, дерявяную, бяшя (вм. бяше) Новоросс. сп. Ср. Берл. сб.: молитѧ, исплетѧ 3 аор., обрѣтѧ 3 аор., принесѧ 3 аор., Отрыв. Имп. Ак. Наукъ: гл(агол)ѧть.

8) вмѣсто ѧ находимъ *а* послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ: слнца Паракл. 1369, нача, наипача, дѣтища, капища, повѣдаша 3 ед. Прол. 1383, спсние наша Паракл. 1386, о(т)ца зв. ед., аща, лица Типогр. псалт. XIV вѣка № 35, еща, не далеча Лук. ев. 1409, ращи, ракоша, яко слнце сияша, глша нафанъ Палея 1494, ра*ч* 3 ед. Палея 1477, пограбену быти Синод. № 154, прозвища Погод. № 1413, лежаша стыи никола Чуд. № 270, въстрѣпеташася голубь, творца зв. ед., пограбе, лица, далеча Чуд. № 255, приближишася время, еща Соф. № 1262, идяша, бяша, сщаную одежю, любовь свершанаа Новоросс. сп., идѣжа, плакашася Ипат. Ср. Берлинск. сб.: отчѧ зв. ед., изрѧщи.

9) ѧ замѣняетъ старое *е* послѣ гласныхъ: твоя бжство, всемирноя слово Паракл. 1369, оружие своя Прол. 1383, безлобивоя имя твоя Типогр. пс. XIV вѣка № 35, приде третиея, все житие своя, тѣло моя Лук. ев. 1409, тоя же время, воиско псковскоѧ, по троа или по пѧти Погод. № 1413, дьржимоя Соф. № 1262. Ср. въ Тріоди XV—XVI вѣка: блгопрiѧтноѧ врѣмѧ, слово събезначѧлноѧ, въ Мак. ап.: съмрьтьноѧ.

10) ѧ замѣняетъ старое *ѣ*: в пучиня, на древя, во чревя, въ вра-

тяхъ; лютя Паракл. 1369; на всякомъ мѣстя Прол. 1383, во и(зра)иля, пре царя, не хотявшаа Палея 1494, в дому гсня, на и(зра)іля, граха (грѣха) Палея 1477, на сини рѣкѧ, на дорогѧ, при стефане гапоновича Погод. № 1413, о будоущимъ огня, о разоумѧ Чуд. № 270, ицѣляваующихъ беспрастани Чуд. № 255, на облацах сиверьских Новоросс. сп., оу вавилоня Ипат. Ср. Берлинск. сб.: на трапѣзя, о клевѣтя, лютя, Ев. Верковича: слоужбѩ, на селѩ, вь таінѩ, Макед. ап.: вь ѧзыцахь, вь облаца.

Итакъ въ преобладающемъ числѣ случаевъ мѣна *а—е* въ псковскихъ памятникахъ находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ памятникахъ южно-славянскихъ и можетъ быть, слѣдовательно, выведена изъ нихъ. Такъ въ особенности для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что написанія съ *е*, *ѣ* вм. *а* (*я*) ведутъ насъ вообще всѣ къ средне-болгарскимъ памятникамъ; не колеблясь, возвожу къ южнославянскому вліянію и написанія съ ѧ вмѣсто *ѣ*; написанія съ ѧ вмѣсто *е* послѣ согласныхъ точно также могутъ быть выведены изъ южно-славянскихъ оригиналовъ. Чѣмъ-то отличнымъ отъ южно-славянской графики представляется весьма частая замѣна *е* черезъ *я* послѣ гласныхъ. Я привелъ случаи только одной категоріи, а именно тѣ, гдѣ е замѣнено черезъ ѧ въ окончаніи им.-вин. ед. средняго рода, а именно, въ окончаніи -оя вм. -ое. Двѣ другія категоріи, а именно, во-первыхъ, ия, ья вм. ие, ье въ им.-вин. ср. рода (житиял вм. житие, пришьствия хсво вм. пришьствие хсво; уже въ Апостолѣ 1309—1312: въ нечьстия), во-вторыхъ, ѣя, ая вм. ѣе, ае въ окончаніи сравнительной степени прилагательныхъ (новея, множая вм. новѣе, множае) оставлены мною въ сторонѣ потому, что соотвѣтствія имъ я въ средне-болгарскихъ памятникахъ не нашелъ; въ псковскихъ — подобные случаи весьма многочисленны. Не отрицая возможности того, что и здѣсь *я* вмѣсто *е* могло появиться графическимъ путемъ, я считаю болѣе вѣроятнымъ сблизить ия, ья псковскихъ памятниковъ съ ия, ья памятниковъ малорусскихъ. Какъ извѣстно, въ малорусскомъ звукъ *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ въ положеніи послѣ долгой смягченной согласной перешелъ въ *а*: ср. современное украинское źil'l'a, znańńa, veśil'l'a, žit't'a, kamińńa. Это *а* я вывожу непосредственно изъ ä: такъ звучало, повидимому, всякое конечное открытое е въ общерусскомъ языкѣ въ положеніи не послѣ смягченныхъ согласныхъ (въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ е звучало какъ ö и восходитъ къ общеславянскому ö: kńažö, l'ićö, откуда kńažo, l'ićo). Судя по малорусскимъ памятникамъ появленіе такого *а* вмѣсто ä восходитъ къ очень давнему

времени: ср. Типогр. ев. XIII вѣка № 6: за умножѣнья, въ куръ глашѣнья, Вѣнскій октоихъ XII—XIII вѣка: дховное сияния, Поуч. Ефр. Сирина XIII вѣка весѣлья, Ев. 1283: за умножѣнья, и т. д. Какъ увидимъ ниже, псковская письменность находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-русскихъ памятниковъ, а эти подъ непосредственнымъ вліяніемъ южно-русскихъ. Поэтому считаю вѣроятнымъ, что псковскія написанія съ ия, ья вм. ие, ье восходятъ въ концѣ концовъ къ южно-русскимъ оригиналамъ, гдѣ они отражали живое произношеніе; наличность въ этихъ оригиналахъ подобныхъ написаній увеличивала число случаевъ замѣны *е* черезъ *я* и способствовала распространенію такой же замѣны и въ другихъ категоріяхъ, а прежде всего замѣны *е* черезъ *я* въ положеніи послѣ гласныхъ. Подтвержденіемъ предположенія о томъ, что ия, ья вм. ие, ье въ псковскихъ памятникахъ восходитъ къ южнымъ оригиналамъ, можетъ служить наличность въ нихъ и написаній -иямь, -ьямь въ твор. ед. вм. -иемь, -ьемь: дрекольямь, покаяниямь Прол. 1383, здоровьям, стояніам Погод. № 1413, покаяніямь, безаконьямь, исповѣданиямь Соф. № 1262; ср. такія же формы въ южно-русскихъ памятникахъ, напримѣръ, въ Пересопн. ев. замышленям, а также въ современномъ малорусскомъ языкѣ: весіллям, обличчам, сміттям.

Что касается окончаній ѣя, ая въ сравнительной степени, то, быть можетъ, эти написанія отражаютъ живое произношеніе, при чемъ однако ја замѣнило је не фонетически, а подъ вліяніемъ грамматической аналогіи. Формы сравнительной степени на ѣя, ая извѣстны и изъ памятниковъ сѣверо-восточной Руси: А. И. Соболевскій приводитъ легчая изъ Ев. 1357, написаннаго въ сѣверномъ Галичѣ, лжѣя изъ Ев. 1358, написаннаго вѣроятно въ московской области и др. (Лекціи по ист. р. яз., стр. 87); такія формы весьма обычны и въ современныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ. Считаю ихъ возникшими подъ вліяніемъ дѣепричастій и ссылаюсь вообще на вліяніе формъ причастій на формы сравнительной степени: ср. богатѣющій, сильнѣющій, лѣвѣючи, по правѣючи, сѣрѣючи (калужск.).

Итакъ свои замѣчанія о мѣнѣ *е* и *а* въ псковскихъ памятникахъ заканчиваю слѣдующимъ заключеніемъ. Мѣна эта въ значительномъ большинствѣ случаевъ объясняется вліяніемъ южно-славянской письменности, а именно средне-болгарскихъ памятниковъ, или возникшихъ въ Западной Болгаріи, или прошедшихъ черезъ сербскую рецензію, которые пишутъ *е*, *ѣ* вм. ѧ, съ одной стороны, ѧ вмѣсто *е*, *ѣ*, съ другой, и которые рядомъ замѣняютъ *ѣ* черезъ ꙗ и обратно. Рас-

пространенію замѣны *е* черезъ *я* послѣ гласныхъ способствовало и то обстоятельство, что въ южно-русскихъ памятникахъ, черезъ которые проникало въ Псковъ и средне-болгарское вліяніе, *я* писалось вмѣсто *е* согласно мѣстному произношенію въ окончаніи им. вин. ед. ср. р. ия, ья и твор. иямь, ьямь вмѣсто ие, ье, иемь, ьемь. Что касается ѣя, ая въ окончаніи сравнительной степени, то ѣе, ая замѣнили ѣе, ае подъ вліяніемъ причастій и потому формы какъ множая, отрадыѣя могутъ быть признаны передающими живое произношеніе писцовъ. Возможно, конечно, что нѣкоторые случаи замѣны *е* черезъ *я*(*а*) должны быть объяснены какъ аканье (ср. замѣну *о* черезъ *а* въ псковскихъ памятникахъ), но случаи эти, какъ мнѣ кажется, необходимо ограничить, въ виду въ особенности того обстоятельства, что въ бѣлорусскихъ памятникахъ, скажемъ XV вѣка, отражавшихъ несомнѣнно акающіе говоры, случаевъ замѣны *е* черезъ *я*(а) сравнительно немного; при этомъ нѣкоторые изъ нихъ объясняются такъ же, какъ въ псковскихъ памятникахъ, т. е. вліяніемъ южно-русскихъ и далѣе южно-славянскихъ оригиналовъ (ср. въ Западно-русск. Четьѣ 1489 г.: вясла вм. вёсла; отсюда слѣдуетъ, что и вясло вм. весло́ въ томъ же памятникѣ не передаетъ живого произношенія, а имѣетъ *я* вм. *е* по причинѣ графической).

Перехожу къ другому явленію, отмѣченному Н. М. Каринскимъ въ псковскихъ памятникахъ, къ мѣнѣ *и* и *ы*. Соотвѣтствующій отдѣлъ его изслѣдованія (стр. 173) озаглавленъ „Приближеніе звука *и* къ звуку *ы*". Это опредѣленіе, такъ же какъ и то обстоятельство, что Н. М. Каринскій говоритъ объ этомъ явленіи въ отдѣлѣ фонетики, казалось бы, предрѣшаетъ вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы въ этой мѣнѣ дѣло съ явленіемъ чисто графическаго характера или она отражаетъ особенность мѣстнаго живого говора; авторъ изслѣдованія о древне-псковскомъ нарѣчіи склоненъ видѣть въ этой мѣнѣ дѣйствительное отраженіе живого произношенія. При этомъ, однако, онъ поступаетъ здѣсь гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ главѣ, посвященной „мѣнѣ буквъ *е*(*ѣ*) и *а*(*ѧ*, *ѫ*)", гдѣ онъ не допускаетъ и мысли о какомъ-либо инославянскомъ вліяніи; мѣна *и* и *ы* извѣстна Н. М. Каринскому въ южно-славянскихъ памятникахъ; естественно было поэтому поставить вопросъ, не попала ли она въ псковскія рукописи вмѣстѣ съ другими особенностями южно-славянской графики. Н. М. Каринскій привелъ одинъ аргументъ въ пользу предположенія, что мѣна *и* и *ы* перенесена въ изслѣдованные имъ памятники изъ южно-славянскихъ оригиналовъ: Софійскій сборникъ № 1262, гдѣ ярко отразился мѣст-

ный псковскій говоръ и гдѣ „вовсе не замѣчается слѣдовъ юго-славянскаго вліянія“, не имѣетъ мѣны *ы* и *и* [1]); нѣтъ этой мѣны и въ сборникѣ Синодальной библіотеки № 154 (гдѣ помѣщается Псковская 2-я лѣтопись), нѣтъ ея въ Псковской судной грамотѣ, нѣтъ вообще и въ памятникахъ первой половины XV вѣка. И тѣмъ не менѣе, несмотря на вѣское значеніе такого аргумента въ пользу графическаго характера отмѣченной черты, Н. М. Каринскій въ самомъ распредѣленіи мѣны *и* и *ы* по псковскимъ памятникамъ черпаетъ доказательства въ пользу того, что она не случайна, что она не заимствована изъ южно-славянскихъ рукописей: такъ онъ выдвигаетъ то обстоятельство, что мѣна и и ы встрѣчается въ Палеѣ 1494 года и въ Погодинскомъ спискѣ лѣтописи, „памятникахъ, имѣющихъ въ обиліи и многія другія діалектическія черты“; далѣе онъ придаетъ особенное значеніе и тому, что черта эта отмѣчена между прочимъ въ чисто русскихъ, отнюдь не южно-славянскихъ по своему происхожденію статьяхъ и произведеніяхъ (Погодинскій списокъ лѣтописи, Житіе Бориса и Глѣба въ Чудовскомъ сборникѣ № 255). Но главный доводъ Н. М. Каринскаго въ пользу звукового объясненія отмѣченнаго имъ явленія — иной: допущеніе, что мѣна *и* и *ы* результатъ южно-славянскаго вліянія, повело бы къ признанію, что въ Псковѣ было на лицо вліяніе не восточно-болгарское (въ восточно-болгарскихъ рукописяхъ мѣна *и* и *ы* рѣдка), а сербское или западно-болгарское,— между тѣмъ сербское вліяніе на русскую письменность вообще „было ничтожно“, а вліяніе западно-болгарскихъ памятниковъ „отразилось на русской письменности слабо“. Кромѣ того, неясно было бы, почему мѣна *и* и *ы* не извѣстна въ московскихъ и новгородскихъ памятникахъ при наличности въ нихъ даже сильнаго южно-славянскаго вліянія. Ясно, что авторъ этихъ разсужденій склоняется къ мысли, что мѣна *и* и *ы* въ псковскихъ памятникахъ отражаетъ живое произношеніе ихъ писцовъ. Совершенно неожиданно поэтому слѣдующее его заключеніе: „Однако, несмотря на всѣ изложенныя здѣсь соображенія, вслѣдствіе отсутствія детальной разработки древне-болгарской

[1]) Это невѣрно: самъ авторъ на стр. 136 приводитъ: рибъı, рибари, ридаи, риломь, объясняя эти написанія слѣдствіемъ отвердѣнія р, вообще не доказаннаго для этого памятника, ибо оно ограничивается не русскими глагольными формами: градемь, градуща, градуть и т. п. и еще словами зроу, прамо (бруху, серобро признаемъ вслѣдъ за авторомъ описками; створыи, какъ видно изъ контекста, ошибка вмѣсто створивыи); отмѣчу еще ричати 120 об. 2, хитрии 124, 2; нинѣ 111, 2; ти отвѣщаи 111, 2; дат. моисѣовы 35 об. 2, лукавымы бесы 15 об. 2.

(читайте: „средне-болгарской“) письменности со стороны языка и въ виду трудности объяснить приближеніе звука *и* къ звуку *ы* въ псковскомъ языкѣ XV вѣка, мы не рѣшаемся сдѣлать окончательнаго вывода“.

Читателю вполнѣ понятны причины колебанія автора: онѣ обнаружены и имъ самимъ, ибо онъ приводитъ доводы въ пользу того и другого рѣшенія вопроса; какъ отмѣчено, значеніе аргументовъ противъ объясненія мѣны *и* и *ы*, какъ слѣдствія южно-славянскаго вліянія [1]), перевѣшивало одно время въ сознаніи автора значеніе противоположнаго аргумента (отсутствіе мѣны въ Соф. № 1262, Синод. № 154 и др.), но зато этотъ послѣдній аргументъ нашелъ себѣ подкрѣпленіе въ двухъ новыхъ соображеніяхъ: во-первыхъ, авторомъ выдвигается то обстоятельство, что средне-болгарскіе памятники со стороны языка недостаточно изслѣдованы (очевидно, авторъ предвидѣлъ возможность указанія на такіе восточно-болгарскіе рукописи, которые смѣшиваютъ *и* и *ы* въ значительномъ количествѣ случаевъ); во-вторыхъ авторъ призналъ трудность объяснить самое появленіе въ псковскомъ языкѣ XV в. приближенія звука *и* къ звуку *ы*. Мнѣ кажется, что разсужденія по поводу мѣны *и* и *ы* въ псковскихъ памятникахъ слѣдовало начать съ разрѣшенія вопроса, возможно ли допустить въ Псковѣ смѣшеніе звуковъ *и* и *ы* или, выражаясь словами автора, приближеніе *и* къ *ы* (а можетъ быть, приближеніе *ы* къ *и*?), но это дѣло автора,—и я успокоился бы на томъ, что онъ не рѣшился, на основаніи смѣшенія буквъ *и* и *ы*, приписать Пскову звуковой черты, чуждой и сѣверно-великорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ, что онъ не рѣшился „сдѣлать окончательнаго вывода“. Между тѣмъ осторожность и благоразуміе автора совсѣмъ неожиданно парализуются слѣдующими за приведеннымъ выше его заключеніемъ словами: „хотя и считаемъ предположеніе о замѣнѣ въ Псковской области звука *и* звукомъ *ы* весьма возможнымъ. Намъ даже думается, что если бы доказано было югославянское вліяніе въ Псковской области иного типа, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, все же объяснить имъ всѣ случаи мѣны *ы* и *и* въ нашихъ рукописяхъ мы едва ли были бы въ состояніи“. Затѣмъ, вѣроятно, въ качествѣ аргумента приведены изъ псковскихъ рукописей примѣры смѣшенія буквъ *и* и *ы*. „Если

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что на стр. 123 авторъ, приводя изъ Чуд. сб. № 255 написаніе взырающе, сопоставляетъ его съ нерѣдкою постановкой *ы* послѣ *з* въ болгарской письменности.

даже объяснять мѣну *ы* и *и* въ псковскихъ рукописяхъ ороографическимъ путемъ,—такъ продолжаетъ свои разсужденія авторъ,—окончаніе твор. мн. на мы вмѣсто ми (сынмы, конмы, князмы) должно быть причислено къ псковскимъ діалектическимъ особенностямъ, такъ какъ подобныя формы ни въ какомъ случаѣ болгарскимъ вліяніемъ объясняться не могутъ" [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ, ссылающійся при этомъ на „Лекціи" Соболевскаго, гдѣ приводятся примѣры для окончанія -мы вм. -ми изъ сѣверно-русскихъ памятниковъ и сѣверно-русскихъ говоровъ, не объясняетъ мы вм. ми фонетически, какъ результатъ приближенія звука *и* къ *ы* [2]). Но для чего же въ такомъ случаѣ авторъ говоритъ объ этихъ случаяхъ замѣны *и* черезъ *ы* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о приближеніи звука *и* къ звуку *ы*?

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ окончаніе -мы вм. -ми (впрочемъ, я не вижу основаній для отдѣленія его отъ прочихъ случаевъ мѣны *ы* и *и*), находимъ, что авторъ, считающій предположеніе о замѣнѣ въ псковской области звука *и* звукомъ *ы* весьма возможнымъ, ничѣмъ не подтвердилъ этой возможности и ничѣмъ не опровергъ указанной имъ же четырьмя строками выше „трудности объяснить приближеніе звука *и* къ звуку *ы* въ псковскомъ языкѣ XV в.". Мнѣ кажется, что непослѣдовательность въ разсужденіяхъ Н. М. Карпнскаго, представленныхъ имъ на судъ читателей, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что спокойное теченіе его мыслей, теченіе, которое должно было привести его къ выводу о существованіи въ псковскомъ языкѣ

---

[1]) Мнѣ остается непонятнымъ, зачѣмъ авторъ сослался здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, на стр. 53, прим. 3 и стр. 123 своего изслѣдованія; на стр. 53 въ прим. 3 объяснено, что искрамъі въ Палеѣ 1477 написано не черезъ, *ы* а черезъ ъі, при чемъ надъ і, входящемъ въ составъ ъі, стоятъ двѣ точки: подобное начертаніе буквы ы въ Палеѣ „вообще говоря, не встрѣчается", и авторъ дѣлаетъ правдоподобный выводъ, „что форма па-мъі переписана писцомъ изъ оригинала". Но никакихъ указаній на то, что оригиналомъ Палеи 1477 года была псковская рукопись, мы не имѣемъ; слѣдовательно, ссылка на „искрамъі" въ Палеѣ 1477 года въ пользу псковскаго происхожденія формъ на -мы вм. -ми въ тв. мн. не доказательна. Что же касается стр. 123, то тамъ приведены изъ Чуд. сб. № 255 два случая съ мы вм. ми: дшамъі и всимъі; и въ томъ и другомъ случаѣ написано ъі, а не *ы*; отсюда Н. М. Карпнскій заключаетъ, что обѣ формы внесены писцомъ изъ оригинала, съ котораго онъ списывалъ. Отмѣтимъ опять, что указаніе на псковское происхожденіе этого оригинала не имѣется. Любопытно, что тутъ же приведены Н. М. Карпнскимъ написанія расты и взырающе, причемъ послѣднее, какъ мы видѣли, сближено въ подстрочномъ примѣчаніи съ болгарской замѣной *и* черезъ *ы* послѣ *з*.

[2]) А. И. Соболевскій выводитъ *ы* вмѣсто *и* въ окончаніи -мы изъ окончанія тв. мн. основъ на *о*: волкы повліяло на окончаніе мы вмѣсто ми.

XV в. смѣшенія звуковъ *и* и *ы*, смѣшенія занесеннаго въ псковскую область южно-русскимъ движеніемъ въ нее,—что это теченіе мыслей автора было чѣмъ-то нарушено. Читая стр. 175, мы остаемся въ полномъ недоумѣніи, какъ понимать предположеніе Н. М. Каринскаго о томъ, что въ псковской области могла имѣть мѣсто замѣна звука *и* звукомъ *ы*, и почему въ этомъ его должны убѣдить именно тѣ примѣры изъ памятниковъ, которые выбраны авторомъ и приведены на стр. 176 [1]). Разрѣшеніе нашего недоумѣнія мы найдемъ въ самомъ концѣ книги: авторъ на стр. 203 говоритъ, что если бы мѣна *ы* и *и* свидѣтельствовала о звуковомъ явленіи, то явленіе это сближало бы псковскій языкъ съ южно-русскимъ; на той же страницѣ разъясняется и смыслъ такого сближенія: псковскій языкъ XV вѣка испыталъ на себѣ сильное вліяніе языка западно-русскаго, а, можетъ быть, даже и сѣверно-малорусскаго. „А этотъ выводъ—продолжаетъ Н. М. Каринскій—ведетъ къ предположенію о колонизаціи бѣлоруссовъ (а можетъ быть и сѣверно-малороссовъ?) въ псковскую область“. Итакъ авторъ на стр. 176-й считаетъ предположеніе о приближеніи звука *и* къ звуку *ы* въ псковскомъ языкѣ XV вѣка „весьма возможнымъ“ именно потому, что признаетъ возможнымъ и вліяніе сѣверно-малорусскаго языка на псковскій языкъ XV вѣка.

Конечно, доводы автора никого не убѣдятъ ни въ малорусской колонизаціи въ псковскую область, ни въ смѣшеніи звуковъ *и* и *ы* въ псковскомъ языкѣ XV вѣка. Думаю, что смѣшеніе буквъ *и* и *ы* проникло въ псковскую письменность книжнымъ путемъ; укажу ниже, откуда непосредственно шли въ Псковъ книги, приносившія съ собой новые ороографическіе пріемы; здѣсь же отмѣчу, что смѣшеніе *и* и *ы* въ псковскихъ памятникахъ должно быть признано въ концѣ концовъ явленіемъ южно-славянскимъ. Въ пользу этого говоритъ между прочимъ то обстоятельство, что оно встрѣчается, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, въ псковскихъ памятникахъ уже съ XIV вѣка и при томъ рядомъ съ другими южнославянизмами: ср. гризениемь въ Паракл. 1369 года, исполнывъ, рибъ, рибарь въ Прологѣ 1383 года, покриваемъ, съ выснимы силами въ Паракл. 1386 г. Смѣшеніе *ы* и *и* весьма обычно

---

[1]) Подборъ примѣровъ нельзя назвать удачнымъ хотя бы потому, что, напримѣръ, слова позлаты, расты, прежныхъ, плами уже вообще по своей формѣ представляются книжными. Странно встрѣтить здѣсь сторонныимъ, сторонными изъ Судной грамоты послѣ того, какъ на предшествующей страницѣ отмѣчено отсутствіе въ этой грамотѣ мѣны *ы* и *и*, а на стр. 92 указана и церковно-славянская форма страньныи, оправдывающая русскую форму сторонный.

въ тѣхъ западно-болгарскихъ памятникахъ, а также въ тѣхъ болгарскихъ памятникахъ, которые подверглись сербской рецензіи, между тѣмъ проникновеніе именно такихъ памятниковъ въ древнюю Русь доказывается разсмотрѣннымъ выше смѣшеніемъ буквъ *е* (*ѣ*) и *а* (*я*). Ср. смѣшеніе *ы* и *и* въ Берлинскомъ сборникѣ, въ Евангеліи Верковича, академической Тріоди XIII в. и т. д. Что смѣшеніе буквъ *и* и *ы* въ псковскихъ памятникахъ ни въ коемъ случаѣ нельзя признать отраженіемъ звукового явленія русскаго языка, явствуетъ и изъ того, что *ы* замѣняетъ въ нѣсколькихъ случаяхъ звукъ *и*, восходящій къ *ѣ*. Ср. въ Погод. № 1413: съ обыю сторонъ 10, на москвы 172, въ Новоросс. спискѣ Новгор. 4-й: не вымы, въ юрьевѣ городы, въ кыевы, двыма, изъ обыю очію, оттолы, въ Ипат. лѣтописи: ныны, въ черторыискы. Далѣе то же подтверждается и тѣмъ, что мы найдемъ въ псковскихъ памятникахъ замѣну *и* черезъ *ы* въ такихъ случаяхъ, гдѣ живой языкъ издавна уже утратилъ звукъ и: Погод. № 1413: соудыи им. мн. 160 об. (великор. sud'ji, бѣлор. sud'd'i); Новоросс. списокъ: молныя.

Итакъ двѣ звуковыя черты, которыя Н. М. Каринскій склоненъ приписать псковскому языку XV вѣка, оказываются при повѣркѣ существовавшими только на письмѣ, заимствовавшемъ ихъ тѣмъ или инымъ путемъ изъ южно-славянской графики: говоримъ о смѣшеніи звуковъ *е* и *а* и о смѣшеніи звуковъ *и* и *ы*. Этотъ результатъ въ сильнѣйшей степени подрываетъ наше довѣріе къ псковскимъ памятникамъ, какъ источникамъ знакомства съ живымъ псковскимъ говоромъ вообще. Само собой становится вѣроятнымъ, что въ эти памятники могли проникать и другія явленія южно-славянской графики, способныя ввести въ обманъ слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя. Укажу на нѣсколько такихъ явленій, ошибочно, какъ мнѣ кажется, признанныхъ Н. М. Каринскимъ за отраженіе живого древне-псковскаго нарѣчія.

Такъ на стр. 163 и сл. Н. М. Каринскій допускаетъ произношеніе *о* какъ *у* передъ конечнымъ j (или jу) какъ въ неударяемыхъ слогахъ, такъ и въ ударяемыхъ; онъ основывается на написаніяхъ ую вм. ою въ твор. ед. ж. р. [1]). Мы находимъ въ Погод. № 1413: за лютоую рѣкою, въ Чуд. № 270: чрѣвноую болѣзнью, въ Соф. № 1262: дебрию огньноую, святоую водою, скотиную, въ Палеѣ 1494 г.:

---

[1]) Оставляю въ сторонѣ ою вм. ую въ вин. ед. прилагательныхъ, ибо ою можетъ имѣть и морфологическое объясненіе.

за святоую трапезою, въ Чуд. № 270: злоую смертью, въ Новоросс. спискѣ: со всею литовьскую землею 600а, 613а. Въ Ипатьевской лѣтописи находимъ ую вм. ою въ именахъ существительныхъ: м(о)л(и)твую 199б, с дружиную 198б, подъ своею роукоую 300а. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Н. М. Каринскій, что до сихъ поръ въ древне-русской письменности не было отмѣчено фактовъ, указывающихъ на переходъ *о* въ *у* въ формахъ тв. пад. ж. рода; но сомнѣваюсь, чтобы предположенный авторомъ для Пскова переходъ *о* въ *у* въ этихъ формахъ нашелъ соотвѣтствіе въ современныхъ русскихъ говорахъ. Ни въ коемъ случаѣ нельзя согласиться съ Н. М. Каринскимъ, чтобы съ подобнымъ явленіемъ, предполагаемымъ имъ для Пскова, имѣлъ что-либо общее переходъ *о* въ *у* въ южныхъ областяхъ Бѣлоруссіи: въ Новогрудскомъ, Слуцкомъ, Мозырскомъ уѣздахъ явленіе это связано съ другими малорусскими чертами: на туй гары, ў чистумъ поли, ў жоўтумъ пяску (рядомъ вало́м, ваўко́м; ибо *о* изъ *ъ*, какъ вообще въ малорусскомъ, не подлежитъ переходу въ дифтонгическое сочетаніе уо). Переходъ *о* въ *у* между прочимъ и въ формахъ твор. падежа отмѣченъ и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, а также Великой Россіи [1], но только въ неударяемыхъ слогахъ [2]). Ничего подобнаго формамъ рукую, святую водою, злую смертью мы въ русскихъ говорахъ не найдемъ. А между тѣмъ подобныя формы тв. пад. должны были вызываться вліяніемъ средне-болгарскихъ памятниковъ, гдѣ обычны формы на ѫ вмѣсто оіѫ въ твор. ед.; ср. въ Добромир. евангеліи: сь дроужинѫ своіѫ, тоіѫ бо мѣрѫ, въ Евангеліи Верковича: сь Маріѫ обрѫченѫ ему женѫ сѫщѫ небраздьнѫ, въ Пражск. ев. XV в.: клѣтвѫ, и т. д. Нахожу вѣроятнымъ, что подъ вліяніемъ злѫ съмрьтиѫ, за свѧтѫ трапезоіѫ средне-болгарскихъ оригиналовъ являлись написанія, какъ злоую смертью, за святую трапезою псковскихъ памятниковъ.

Въ подтвержденіе предложеннаго объясненія приведу еще форму тв. ед. молнію въ Псковск. 1-й лѣтописи по Погод. списку № 1413: и тою молнію золото позгло 139b (6978 годъ). Замѣчательно, что эта лѣтопись въ томъ же мѣстѣ представляетъ еще другую средне-болгарскую форму твор. падежа: „такоже иноуды тоуя же молніа и Богъ вѣсть сколько побило христіанъ и храмовъ и деревьа пожгло“;

---

[1]) Также и въ Псковск. губ., см. А. И. Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, стр. 31.

[2]) Ср. приводимыя Е. Ѳ. Карскимъ (Бѣлоруссы, II, 116) и отдѣляемыя имъ отъ явленій южныхъ областей Бѣлоруссіи: зъ маткую, дарогую Смол., горкую горэлкую Лепп.

ср. въ Хлуд. Паремейникѣ: сь радостиѩ, междоу всакоѫ дшея живоя; оу въ тоуя—тоже болгаризмъ. Выше читаемъ: „Также тоа же молнію тоя же оутро зажже црквь“; въ оригиналѣ читалось, вѣроятно, „зажжеся церковь“. Сопоставимъ это съ слѣдующими формами твор. пад. въ молдавской грамотѣ 1457 года: „и съ своея вѣроя христіанскоую“ (В. А. Уляницкій, Матеріалы, стр. 94). Отмѣчу, наконецъ, еще форму твор. ед. стѣноу вм. стѣною въ Погод. сп. Псковской 1-й лѣтописи; подъ 1478 годомъ читаемъ: „и кнзь же великои виде что город крѣпко въ осадѣ стѣноу огражонъ“ (л. 187 об.); то же и въ другихъ спискахъ этой лѣтописи (ср. П. С. С. Л. IV, 259). Ср. еще отмѣченныя ниже въ южно-русскомъ евангеліи изъ собранія Верковича формы: душюю, а рядомъ: радостью вѣлью.

Приводя, хотя и предположительно, въ числѣ случаевъ замѣны *о* черезъ *у* двукратно встрѣтившееся въ Палеѣ 1494 г. възоупи, Н. М. Каринскій упустилъ изъ вниманія обычное въ особенности въ сербскихъ памятникахъ написаніе възоупити (сошлюсь, напр., на Евангеліе—тетръ Раевскаго XIV в. Кіевской акад. библіотеки, далѣе на Прилѣпское евангеліе XIV в.) [1]).

На стр. 193-й авторъ, отмѣчая наличность окончанія -тъ въ нѣкоторыхъ псковскихъ памятникахъ, напр. въ Погод. № 1413, Чудовск. сб. № 255, упускаетъ изъ виду возможность объясненія тъ вм. ть вліяніемъ средне-болгарскихъ памятниковъ и предполагаетъ, въ виду отсутствія тъ въ большей части другихъ псковскихъ памятниковъ, что отвердѣніе конечнаго *т* въ 3 л. глаголовъ совершилось въ Псковской землѣ позднѣе, чѣмъ во многихъ другихъ сѣверныхъ говорахъ. Наличность окончанія тъ въ Ипат. лѣтописи и въ Новоросс. спискѣ рѣшительно говоритъ за книжное его происхожденіе.

На стр. 190-й читаемъ: „Любопытною чертою псковскихъ памятниковъ XV в. является вин. ед. ж. р. на *а*, какъ въ соединеніи съ неопред. наклоненіемъ, такъ и въ зависимости отъ личнаго глагола и даже (1 разъ) отъ предлога: стрещи емоу глава своа, обрете роса, в ширена Пал. 1494 г.; подобае*т* хвала имѣти Пал. 1477 г.; о*т*дѣлили шестая часть Грам. 1483 г.“. Употребленіе имен. пад. вмѣсто винительнаго при инфинитивѣ явленіе весьма обычное въ древне-русскомъ языкѣ [2]), но замѣна именительнаго винительнымъ въ зависимости отъ личнаго глагола представляется рѣдкимъ и непонятнымъ

---

[1]) Г. Крыжановскій, Рукоп. евангелія кіевскихъ книгохранилищъ, стр. 92, 102.

[2]) Ср. Miklosich, Vergl. Grammatik, B. IV.

явленіемъ. Отмѣчу прежде всего, что примѣръ изъ Грам. 1483 года приведенъ Н. М. Каринскимъ въ сокращеніи; судя по изданію грамоты въ Актахъ Юридическихъ, онъ читается въ дошедшей до насъ копіи такъ: „И того старець Терентеи, со княжимъ бояриномъ и соцкимъ, въ Перервѣ рѣки отдѣлили отъ Рожитецькой стороны, игумену Тарасью и старцомъ Снѣтогорскимъ, шестая часть на проѣздъ“; слѣдовательно, прямое дополненіе, которое мы ожидали бы видѣть въ вин. падежѣ, а видимъ въ именительномъ, отдѣлено отъ глагола еще другимъ не прямымъ дополненіемъ. При этомъ условіи замѣна вин. пад. именительнымъ въ древне-русскихъ памятникахъ довольно обычна; ср. приведенный Н. М. Каринскимъ опять-таки въ сокращеніи примѣръ изъ Двинской грамоты XV в. (№ 77), который въ подлинникѣ читается: „а взялъ собѣ Степанъ противъ тыхъ земль въ отмѣну на Ровдини гори оу своего двора надъ руцьемъ полянка“ [1]; въ Новгор. 1-й подъ 1382 годомъ читаемъ: „нѣгли бы Богъ в послѣдняя лѣта утвердилъ несмущено отъ злыхъ человѣкъ дияволомъ наущеныхъ правовѣрная вѣра“. Но я отрицаю возможность объяснить, какъ русскія, явленія обрете роса, а въ особенности в ширена въ Палеѣ 1494 г. Имѣя въ виду яркіе болгаризмы въ этомъ памятникѣ, я объясняю себѣ эти формы какъ слѣдствіе средне-болгарскаго вліянія; ср. подобныя формы, являвшіяся вслѣдствіе паденія склоненія, напр. въ Пражск. ев. XV в.: въ гора, сестра своѫ, рѫка имыи соухѫ (Starine, XIX), въ Октоихѣ Михановича XIII—XIV в.: се оубо быст въ глава ѫглу, клѧтва разоривъ, грѣховъ мoихъ глѫбина обновивъ (Jagić, Archiv, III, 337), въ Паремейникѣ Хлудова 1284—1320 г.: и видѣ Хамь нагота оца своего; азъ придохъ на рѣка велика (Лавровъ, Обзоръ, стр. 18), за рѫка (тамъ же, приложенія, стр. 14), и др.

Видное мѣсто удѣлено въ изслѣдованіи Н. М. Каринскаго явленію, названному имъ приближеніемъ звука *е* къ звуку *и* въ неударяемыхъ слогахъ. На основаніи памятниковъ псковскаго происхожденія, замѣняющихъ букву *е* буквой *и* и обратно, Н. М. Каринскій заключаетъ о наличности въ исторіи псковскаго языка двухъ звуковыхъ явленій: во-первыхъ, въ древнѣйшій періодъ имѣлъ мѣсто въ Псковѣ переходъ *е* въ *и*, аналогичный переходу *е* въ *и* въ другихъ сѣверно-русскихъ говорахъ (основаніемъ для такого заключенія служатъ псковскіе памятники XIV в., гдѣ имѣется нѣсколько случаевъ замѣны *е* черезъ *и* въ слогахъ неударяемыхъ, а также, повидимому,

[1]) Въ двинскихъ грамотахъ есть и другіе сходные примѣры.

наличность въ этихъ памятникахъ случаевъ замѣны *и* черезъ *е* въ слогахъ ударяемыхъ); во-вторыхъ, позже, какъ результатъ рѣзкаго измѣненія неударяемыхъ гласныхъ, связаннаго съ аканьемъ, произошло измѣненіе *е* въ *и* въ слогахъ неударяемыхъ. Мнѣ кажется, что Н. М. Каринскій не имѣлъ во всякомъ случаѣ достаточныхъ основаній заключать по рѣдкимъ случаямъ замѣны *е* черезъ *и* въ памятникахъ XIV в. о существованіи въ языкѣ соотвѣтствующаго звукового явленія: дѣлая такое заключеніе, на стр. 157 онъ противорѣчитъ самъ себѣ, признавая приводимые имъ примѣры сомнительными и предполагая, что часть ихъ представляетъ описки; съ довѣріемъ онъ относится почему-то къ написанію сьрци мое въ Типогр. псалт. № 35 [1]); но какъ согласуетъ онъ такое написаніе съ написаніемъ ср*д*ца мое въ томъ же памятникѣ и какъ помиритъ одновременное существованіе *и* вм. *е* и *а* вм. *е* въ псковскомъ нарѣчіи XIV вѣка? Больше основаній имѣлъ авторъ заключить о томъ, что въ памятникахъ XV в. смѣшеніе *е* и *и* свидѣтельствуетъ о произношеніи *е* какъ *и* въ слогахъ неударяемыхъ, тѣмъ болѣе что такое смѣшеніе, какъ имъ указано засвидѣтельствовано напр. памятниками акающаго бѣлорусскаго нарѣчія. Случаевъ произношенія *е* какъ *и*,—замѣчаетъ авторъ,—„въ говорѣ писцовъ нашихъ рукописей мы должны ожидать не мало, такъ какъ въ псковской области слѣдуетъ предполагать сильное вліяніе бѣлорусскаго языка, а въ языкѣ бѣлоруссовъ мы находимъ большое количество случаевъ замѣны *е* черезъ *и*, что отразилось и на западно-русскихъ рукописяхъ“.

Но я не могу согласиться съ авторомъ и въ этомъ случаѣ. Во-первыхъ, ссылку на западно-русскія рукописи считаю неудовлетворительною, какъ потому, что графика самыхъ этихъ памятниковъ еще недостаточно обслѣдована, такъ и потому, что изъ числа приводимыхъ для такого смѣшенія *е* и *и* примѣровъ необходимо исключить значительное количество случаевъ, гдѣ *и* должно имѣть иное объясненіе [2]). Во-вторыхъ, въ изслѣдуемыхъ памятникахъ имѣется и замѣна *и* черезъ *е*, а такая замѣна свидѣтельствуетъ о графическомъ смѣшеніи буквъ *е* и *и*, не подтверждаемомъ типическими бѣлорусскими памятниками. Въ-третьихъ, не вижу основанія разсматривать отдѣльно смѣшеніе *е* и *и* въ слогахъ ударяемыхъ отъ смѣшенія ихъ въ слогахъ

---

[1]) А примѣръ въ пристанищи (вин.) изъ Паракл. 1369 признанъ сомнительнымъ.

[2]) Имѣю въ виду случаи, какъ клинися, стримъглавъ, мертвица, звинячии, и т. п.

неударяемыхъ [1]): а между тѣмъ смѣшеніе *е* и *и* подъ удареніемъ нельзя поставить въ связь съ ослабленіемъ звуковъ въ слогахъ неударяемыхъ. Въ-четвертыхъ, я никакъ не могу помирить два предположенія автора: первое, по которому, въ неударяемыхъ слогахъ, какъ послѣдствіе аканья, вмѣсто *е* появлялось *а*, а второе, по которому вмѣсто *е* появлялось *и*: ср. зват. ед. любимици (вм. любимиче) въ Чуд. № 255 и зват. ед. творца (вм. творче) тамъ же, 2 л. мн. створити въ Палеѣ 1494 и створитя въ Чуд. № 270, 3 л. аор. поиди въ Палеѣ 1494 и принеся тамъ же, ри*ч* (вм. рече) въ Палеѣ 1477 и ра*ч* (вм. рече) тамъ же, и т. д.

Рѣшительно склоняюсь къ мысли, что смѣшеніе *е* и *и* въ псковскихъ памятникахъ возникло на графической почвѣ, и объясняю его себѣ двумя причинами. Во-первыхъ, и здѣсь сказалось южно-славянское вліяніе: замѣна *е* черезъ *и* и обратно *и* черезъ *е* обычна въ средне-болгарскихъ памятникахъ, гдѣ она вызвана переходомъ *е* въ *и* въ слогахъ неударяемыхъ. Н. М. Каринскій отрицаетъ хотя, впрочемъ, и не особенно рѣшительно средне-болгарское вліяніе въ этомъ случаѣ (стр. 159), ссылаясь какъ на то, что смѣшеніе *е* и *и* свойственно такимъ псковскимъ памятникамъ, гдѣ не замѣчается никакихъ слѣдовъ новыхъ для того времени юго-славянскихъ литературныхъ вліяній, такъ и на то (стр. 160), что во многихъ болгарскихъ рукописяхъ XIV столѣтія замѣна *е* черезъ *и* встрѣчается рѣдко и иногда даже какъ исключеніе. Со своей стороны укажу, что въ пользу болгарскаго вліянія можно привести то обстоятельство, что въ болгарской письменности встрѣчаются случаи смѣшенія *е* и *и*, вполнѣ тождественные съ написаніями псковскихъ памятниковъ: ср. хощиши въ Палеѣ 1494 г. и въ Стамавовскомъ ев. XIII в. (Kalina, Studyja, 156), 3 л. аор. вниди въ Палеѣ 1494 и иди въ Пражск. ев. XV в., словиси въ Чуд. № 255 и очиса въ Пражск. ев. XV в., риче въ Палеѣ 1494 г. и нариче въ Ев. 1356 г. и т. д. Во-вторыхъ, замѣна *е* черезъ *и* могла произойти графическимъ путемъ еще вслѣдствіе прочтенія какъ *и* буквы *ѣ*, замѣнявшей въ оригиналахъ псковскихъ памятниковъ графически букву *е*; написанія враживахоу, египтяни, жидови, якожи, отвещавши жи, вниди 3 аор., вилиціи, конциваютъ, агниць, оутрение (вм. оутрьнее) и т. п. предполагаютъ, вѣроятно, написанія съ ѣ вмѣсто е въ соотвѣтствующихъ оригиналахъ, ср. исходящимъ

[1]) Въ Палеѣ 1494 г.: насилници вм. насельници, на свѣтельници, Палея 1477: пресѣлние быша, Погод. № 1413: дроуженою, Чуд. № 255: топирво.

жѣ Чуд. № 255, стеблевѣ им. мн. Палея 1494 г., жидовѣ, внемлетѣ, виидѣ, съхранитѣся, которыи жѣ Палея 1477, клѣноу Чуд. № 270, агнѣць Чуд. № 255 и т. д. Равнымъ образомъ и замѣна *и* через *е* частью ведетъ насъ къ средне-болгарскому вліянію, ср. написанія какъ вниде 2 повел., живеше 2 л. ед. (то же въ Пражск. ев. XV в.), но главнымъ образомъ она указываетъ на графическую замѣну *и* через *ѣ* въ соотвѣтствующихъ оригиналахъ; итакъ напр. написанія Новоросс. списка: внеде, бещеслены, незлагаеть, вышебе, или Ипат. лѣтописи: дат. королеве, по истенѣ, мьстиславечь, не дале, щеть (вм. щитъ), свѣтелника, грабите, прекрыти указываютъ на написанія съ *ѣ* вм. *и* въ соотвѣтствующихъ оригиналахъ или вліявшихъ на писцовъ источникахъ, ср. въ той же Ипат.: свѣтѣлника, по истѣнѣ, дат. индриховѣ, пѣтѣ, хотѣтѣ и т. д.; равнымъ образомъ розенти Погод. № 1413 указываетъ на розшити (ср. въ Ипат. разшидошася), измѣненное графически въ розѣити [1]).

Приведу еще одно доказательство въ пользу того, что замѣна *е* через *и* (и обратно) происходила, въ силу указанныхъ графическихъ причинъ, механически и что она не отражала живого произношенія. Въ Палеѣ 1494 г. читаемъ седии и сѣдии вм. сѣдеи, замѣнившаго сѣдяи (ср. ненавидѣи, восходеи): сѣдеи не было живою въ языкѣ формой, поэтому замѣна ея черезъ сѣдии можетъ быть объяснена или графическимъ путемъ, или прямо изъ средне-болгарскаго (ср. напр. въ Пражск. ев. XV в.: 3 мн. приходить, скврънитъ) [2]).

Считаю необходимымъ указать въ связи съ предыдущимъ, что на первый взглядъ интересныя формы имен. ед. прилагательныхъ, какъ котореи, силнеи Палея 1477, хвостъ коневеи, новеи городо*к* Синод. № 154, краснеи городець, нѣмецкыи дворе рѣчнеи, новеи городе*ч*, стареи Погод. № 1413 [3]), могутъ быть объяснены графически вмѣсто формъ которѣи, новѣи и т. д., которыя въ свою очередь замѣняли графически котории, новии (съ замѣной ы черезъ и). Ср. которѣи оу васъ боудеть начне*т* творити силно Погод. № 1413, 161б.

Нѣсколько разъ авторъ возвращается въ своемъ изслѣдованіи къ

---

[1]) Отмѣчу, что и А. И. Соболевскій, судя по стр. 85 Лекцій (изд. 4-е), склоненъ объяснять смѣшеніе *е* и *и* смѣшеніемъ *ѣ* и *и*.

[2]) Непонятно, почему Н. М. Каринскій на стр. 25 возводитъ сѣдии къ сѣдыи, указывая при этомъ, что формѣ сѣдии въ Палеѣ 1477 года соотвѣтствуетъ сѣдяи.

[3]) См. о нихъ у Н. М. Каринскаго на стр. 189, гдѣ онъ сближаетъ еи вм. ои съ окончаніемъ е вмѣсто конечнаго ъ въ случаяхъ, какъ дворе.

отвердѣнію звука *р* въ псковскомъ языкѣ XV вѣка. Казалось бы, что, дѣйствительно, извлеченныя имъ изъ псковскихъ памятниковъ данныя достаточны для признанія наличности въ языкѣ писавшихъ ихъ твердаго *р* вмѣсто мягкаго. Но меня останавливаетъ отъ этого слѣдующее соображеніе: твердое *р* вмѣсто мягкаго не извѣстно въ современныхъ псковскихъ говорахъ; и больше того—прилегающія къ Псковской области бѣлорусскія мѣстности, уѣзды Витебской губерніи, вообще не знаютъ отвердѣнія *р*, которое принадлежитъ преимущественно юго-западной части бѣлорусскаго нарѣчія; сошлюсь при этомъ на указанія Е. Ѳ. Карскаго (Бѣлоруссы II, 382) и на діалектологическую его карту. Рѣшимся ли мы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ псковскихъ памятниковъ, утверждать, что нѣкогда отвердѣніе р заходило дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ, чѣмъ теперь? Не остережемся ли мы отъ такого поспѣшнаго заключенія, въ виду именно искусственнаго характера правописанія псковскихъ памятниковъ? Я рѣшительно склоняюсь къ тому, что вѣроятнѣе не придавать рѣшающаго значенія соотвѣтствующимъ показаніямъ памятниковъ и въ этомъ случаѣ. Но въ такомъ случаѣ наличность въ нихъ написаній, свидѣтельствующихъ объ отвердѣніи *р*, настойчиво требуетъ для себя объясненія. Въ значительномъ числѣ памятниковъ твердое *р* вмѣсто мягкаго можно объяснить вліяніемъ южно-славянской графики. Такъ въ Новоросс. спискѣ Новгородской 4-й находимъ: тферъ, дочеръ всю яръ, но рядомъ и: бранъ люта, на осенъ, конъ (вм. конь), королъ; въ Ипатьевской видимъ: роурикоу, оустрапавъ, спратавше, невѣрья и обратно: побаряюще, вечерю, но рядомъ также и лоубо, к теребовлу, исполноу, и обратно: кляняютися; въ Погод. № 1413: досмотру л. 150б, манастыра, осподара, агаранинъ, но рядомъ: того дѣла, не колывана 164а, и др. Но для нѣкоторыхъ памятниковъ возможно и иное объясненіе: твердыя р заимствованы изъ западно-русскихъ ихъ оригиналовъ. Объ этомъ скажемъ ниже.

Отмѣтимъ еще, что написанія ро вмѣсто ожидаемаго ре на мѣстѣ произносившагося р̓о ни въ коемъ случаѣ не указываютъ на отвердѣніе р. Считаю себя въ правѣ читать серобра, з берога, поперокъ, церовна, на беростовѣ и т. д. Синод. № 154 съ мягкимъ, а не твердымъ р, въ виду написаній роубловъ, роублова, привозоша; также читаю съ мягкимъ р: с берога, погроб, чероду, богатыровъ, Погод. № 1413, въ виду написаній полонено 157а, истоплено 160а; тоже въ Новоросс. спискѣ перомогаи, серобро, берогу, смеродъ, б(ог)атыровъ, въ виду не

идомъ, озоро, коновъ. Мнѣ непонятно, почему Н. М. Каринскій на стр. 182 возражаетъ противъ этого.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія особенности псковскихъ памятниковъ, смѣшеніе въ нихъ буквъ *я* и *е*, буквъ *ы* и *и*, буквъ *е* и *и*, отвердѣніе на письмѣ *р*, мы пришли къ заключенію, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ сказались искусственные пріемы графики, по той или иной причинѣ полюбившіеся псковскимъ книжникамъ. Пріемы эти въ значительной части ведутъ насъ къ средне-болгарскому вліянію, но смѣшеніе *е* и *и*, указываетъ и на другіе факторы; что до смѣшенія *е* и *я*, то, какъ указано, нѣкоторые случаи заставляютъ думать о вліяніи на псковскую письменность южно-русской, между тѣмъ какъ отвердѣніе *р* по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ псковскихъ памятникахъ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ основаніи ихъ лежатъ западно-русскіе оригиналы. Все это заставляетъ насъ искать разгадку того, что въ Псковѣ утвердились искусственные пріемы письма, въ томъ обстоятельствѣ, что псковская письменность стояла подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-русской или южно-русской письменности, которая въ свою очередь восприняла графику письменности средне-болгарской. Нижеслѣдующія указанія, быть можетъ, подтвердятъ эту нашу догадку.

IV.

Начну свои указанія съ разбора одного памятника, писаннаго во всякомъ случаѣ не во Псковѣ, а содержащаго между тѣмъ всѣ особенности псковскихъ рукописей. Имѣю въ виду такъ называемую лѣтопись Авраамки, точнѣе, тотъ Виленскій сборникъ, который въ основной и первой части своей содержитъ лѣтописный сводъ съ рядомъ сопровождающихъ его статей историческаго содержанія, а въ концѣ— западно-русскую лѣтопись. Первая часть (лл. 1—436) писана одной рукой полууставомъ, а вторая (лл. 437—450) другой рукой скорописью; впрочемъ, эта другая рука начинается на оборотѣ 436-го листа, ей принадлежитъ окончаніе повѣсти о кончинѣ тверского епископа Арсенія, а также приписка, свидѣтельствующая о томъ, что „сія книга, глаголемый лѣтописецъ", написана въ Смоленскѣ рукою Авраамки въ 7003 (1495) году [1]). Заключаю отсюда, что въ первой части Виленскаго

[1]) Первая часть этого сборника издана въ XVI т. П. С. Р. Л. (Лѣтописный сборникъ именуемый лѣтописью Авраамки), вторая въ XVII т. того же собранія (с. 191—204: Виленскій списокъ). Описаніе языка первой части по подлинной рукописи дано Е. Ө. Карскимъ въ Варшавск. унив. изв. за 1899 г. № III, между тѣмъ какъ

сборника до насъ дошла не подлинная рукопись Авраамки, а копія съ нея, сдѣланная въ началѣ XVI столѣтія. Имѣя въ виду, что на протяженіи всей лѣтописи Авраамки, т. е. той части Виленскаго сборника, которая предшествуетъ его припискѣ, нѣтъ никакихъ указаній на смоленское происхожденіе *составителя* свода, мы въ правѣ признать Авраамку смольнянина, работавшаго по порученію смоленскаго епископа Іосифа, простымъ переписчикомъ, скопировавшимъ попавшій въ Смоленскъ лѣтописный сводъ. Вопросъ о происхожденіи свода — а этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе и при изслѣдованіи языка Виленскаго сборника—долженъ быть разрѣшенъ прежде всего на основаніи внутренняго его состава. Составъ лѣтописнаго свода ведетъ насъ къ слѣдующимъ источникамъ: 1) краткому хронографу особаго состава съ приложенною къ нему русскою лѣтописью, доведенною до 6817 (1309) года и включающею въ себѣ выборку изъ *новгородскаго* свода 1448 года въ соединеніи съ русскими извѣстіями, заимствованными изъ первоначальнаго вида русскаго хронографа, предшественника хронографа 1512 года (ср. всю первую часть лѣтописи Авраамки до 1309 года, а также нѣкоторыя статьи послѣ лѣтописи), 2) къ *Новгородской* лѣтописи особаго состава, представляющей переработку Новгородской 4-й лѣтописи и могущей быть названною Новгородскою 5-ю лѣтописью (ср. часть 1309—1446 гг. въ лѣтописи Авраамки), 3) къ *Новгородской* 4-й лѣтописи въ редакціи, доведенной до 1469 года включительно (отсюда взяты: часть 1446—1469 гг., далѣе помѣщенный вслѣдъ за ней отрывокъ 945—988 гг., наконецъ, родословныя статьи и повѣсть о кончинѣ Арсенія тверского). Такимъ образомъ всѣ три источника разсматриваемаго лѣтописнаго свода оказываются новгородскаго происхожденія. Отсюда заключаемъ съ вѣроятностью, что самый сводъ составленъ въ Новгородѣ. Но мы получаемъ со стороны указаніе на связь его со Псковомъ, а языкъ лѣтописи Авраамки, какъ укажемъ, точно также ведетъ насъ къ предположенію, что Авраамка списалъ свой трудъ съ псковскаго оригинала. Итакъ отмѣчаемъ прежде всего связь лѣтописи Авраамки съ однимъ изъ памятниковъ псковскаго лѣтописанія, а именно съ тою Новгородскою лѣтописью поздней редакціи, какъ ее опредѣлилъ Н. М. Каринскій, которая содержится въ Синод. сборникѣ № 154. Эта лѣтопись, доведенная до 1446 года (до извѣстія о высокой цѣнѣ ржи въ Новгородѣ), оказывается почти тождественною

особенности языка второй части разсмотрѣны имъ же въ статьѣ „О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей“ (Варшава 1894).

съ лѣтописью Авраамки; весьма сходны и хронографическія статьи, предшествующія лѣтописи Авраамки, съ соотвѣтствующими статьями въ началѣ Синод. сборника № 154. Не подлежитъ сомнѣнію, что первая часть Синод. № 154 и лѣтопись Авраамки восходятъ къ одному общему оригиналу; при этомъ Синод. № 154 нѣкоторыми редакціонными особенностями своими представляется менѣе первоначальнымъ, чѣмъ лѣтопись Авраамки; такъ, съ одной стороны, послѣдняя лѣтопись содержитъ текстъ болѣе полный, чѣмъ Синод. № 154, въ которомъ опущено не мало извѣстій, а съ другой Синод. № 154 обнаруживаетъ нѣсколько вставокъ: такъ въ родословныхъ статьяхъ, общихъ Синод. № 154 и лѣтописи Авраамки, родословіе великихъ князей дополнено въ Синод. № 154 перечнемъ сыновей в. кн. Василія Васильевича; въ перечнѣ новгородскихъ владыкъ, доведенномъ въ лѣтописи Авраамки (с. 318) до смерти архіепископа Симеона (1421 г.), находимъ имена и послѣдующихъ архіепископовъ, обоихъ Евфиміевъ, Іоны, Θеофила, его же сведе съ святительства на Москву князь великій Іоанъ Васильевичъ, и Сергія (хиротонисованнаго въ 1483 году); въ самомъ лѣтописномъ текстѣ Синод. № 154 содержитъ вставку, обличающую псковича: въ статьѣ 6496 года, къ фразѣ „А со княземъ Володимеромъ бысть тогда подъ Корсунемъ вся Русская земля и Новгородци" въ Синод. № 154 прибавлено „Псковичи". Признавая вѣроятнымъ, что Синод. № 154 можетъ восходить къ старшему сборнику, составленному такъ же, какъ самъ Синод. № 154, въ Псковѣ, имѣя далѣе въ виду бо̀льшую вѣроятность того, что новгородскіе лѣтописные источники подверглись соединенію и переработкѣ въ Псковѣ, чѣмъ въ Смоленскѣ, я признаю лѣтопись Авраамки копіей съ лѣтописнаго свода, составленнаго въ Псковѣ [1]). Заключеніе наше о псковскомъ происхожденіи

---

[1]) Этотъ псковскій лѣтописный сводъ, завезенный въ Смоленскъ, легъ въ основаніе еще двухъ смоленскихъ лѣтописей: 1) дошедшей до насъ въ Толст. I № 189 лѣтописи XV вѣка, содержащей текстъ, сходный съ Синод. № 154, но доведенный только до неоконченной фразы въ статьѣ 1382 года, и далѣе еще краткую выборку изъ Новгородской 5-й съ тремя позднѣйшими извѣстіями не новгородскаго происхожденія (6971: взятіе Царяграда, 6991: взятіе Кіева татарами, 6999: солнечное затменіе 8-го мая); 2) дошедшей до насъ въ Супрасльскомъ спискѣ, принадлежащемъ Моск. Главн. Архиву М. И. Д., первой половины XVI в.: здѣсь читаемъ: текстъ, сходный съ Толст. спискомъ и обрывающійся тамъ же, гдѣ онъ, далѣе ту же краткую выборку, что въ Толстовскомъ, но съ присоединеніемъ южно-русскихъ извѣстій 6989 — 7008 гг., далѣе извѣстія о взятіи Царяграда и еще нѣсколькихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ извѣстій 6991—7023 гг.; въ концѣ подробно описана побѣда Константина Острожскаго надъ войсками московскаго в. князя 1515 года; по-

лѣтописнаго свода, списаннаго въ 1495 году Авраамкой, подтверждается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: новгородскіе владыки именуются въ лѣтописи Авраамки, начиная съ 6966 (1458) года, архіепископами Великаго Новагорода и Пскова [1]); между тѣмъ такъ стали титуловаться новгородскіе владыки только съ Сергія (хиротонисованнаго 14-го сент. 6992 года), какъ можно заключить изъ краткаго лѣтописца новгородскихъ владыкъ, хотя стремленія псковичей къ обособленію Пскова въ особую епархію начались раньше, съ шестидесятыхъ годовъ XV столѣтія [2]). Въ виду этого вижу во вставкѣ новаго титула при именахъ новгородскихъ владыкъ тенденціозную работу псковскаго редактора новгородской лѣтописи [3]).

Приведенными соображеніями признаемъ расчищеннымъ путь для утвержденія, что лѣтопись Авраамки списана съ псковскаго оригинала. Утвержденіе же это основываемъ главнымъ образомъ на языкѣ этой лѣтописи по Виленскому ея списку.

Укажу на графическія особенности: 1) буква „зѣло“ въ мнози, князья; 2) ъ вмѣсто ꙿ въ полкъ, югъ вѣтръ, кыевъ, петръ, съѣздъ; 3) ꙿ вм. ь: данъ 77, осенъ 205, погыбелъ; 4) ла, на, за и др. вмѣсто ля, ня, зя: пласяша, переяславла 73, настрѣланъ, проклатья 66, молваше,

слѣдняя замѣтка сообщаетъ о посѣщеніи Сигизмундомъ Августомъ Супрасльскаго монастыря въ 1543 году. Упомянутая выборка изъ Новгородской 5-й сдѣлана несомнѣнно смольняниномъ: это слѣдуетъ изъ того, что смоленскимъ событіямъ здѣсь отведено видное мѣсто. Необходимо отмѣтить, что Синод. № 154 даетъ намъ объясненіе, отчего Толст. и Супр. списки доводятъ лѣтописный разсказъ только до словъ „и пакы другыа соуще купца въ градѣ иже соуть богатіи людіе, храмины ихъ наполнени всякаго добра“; послѣ этихъ словъ находимъ въ Синод. № 154 пробѣлъ въ $1^1/_2$ столбца и затѣмъ непосредственное продолженіе; очевидно, протографъ и Синод. № 154 и Толст., Супр. списковъ заключался въ двухъ переплетахъ: изъ нихъ первый оканчивался приведенными словами.

[1]) „Преставися пресвященный архіепископъ великаго Новагорода и Пьскова владыка Еуѳимій“; выше при имени Евфимія нѣтъ такого титула. Ср. ниже подъ 6967: „поставленъ бысть всесвященный архимадритъ Иона архіепископомъ великому Новугороду и Пьскову“; дальше Іона постоянно титулуется такъ.

[2]) Ср. А. Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова.

[3]) Не признаемъ ли мы вставкой псковскаго писца нижеслѣдующія набранныя курсивомъ слова въ новгородской статьѣ о пожарѣ 6974 (1466) года: „пожаръ бысть на Десятинѣ отъ поварнѣ владыцныхъ келей, стояще ту Пьсковъскій посолъ; сіе бысть отъ нихъ огня огорѣша двѣ церквѣ... и много зла учинилось, и много добра изгибе, по нашимъ грѣхомъ, а по Пьсковъскому невидѣнію, неразумію и по худому ихъ величавію, *якоже азъ писецъ многогрѣшній всихъ людей*“ (218—219)? Смиренный переписчикъ не стеръ укоризненныхъ словъ новгородца, но пріобщился своею припиской къ подвергшимся осужденію псковичамъ.

взаша миръ, браньскы, разаньскыи, ноября, лудми 218; 5) рю вмѣсто ру: прюская улича 150; 6) *е* вмѣсто *я* (*а*): проявлеше, держелъ, печелемь, слышети, послаше, почалѣ бяше; 7) смѣшеніе *ѣ* и *и*: Борѣсъ 177, до лукѣнѣ улицѣ 179, той зѣмѣ 179, прѣѣха 181, свѣнѣны, бесчѣслено, по доунаевѣ, на двѣноу, великѣи 220 и т. д.; в городи, дитинца, орипокъ, повелиша, питоу, разгнівася, на зими 181; 8) смѣшеніе *е* и *и*: вынесле 72, поповечь, дѣте; обратно: на рубіжи, княгини зв. ед., пред родителимь, гостиви, будить 168, придайтеся 168, затворнымь, сичи 220, меря жи (въ томъ же мѣстѣ Синод. № 154: меря жи, ср. у Каринскаго, с. 67); 9) смѣшеніе *и* и *ы*: либедь, новимъ городомъ, ми, иния, изъ орди, о взятьи москви, ти смотри 213, черніи боръ 71, в волиньскую землю 67, волиньскыхъ 167, сили Господня 171; обратно: на Ловоты 61, люды портыща, вымъчаты, поушкамы, выдока, съзвалъ ссмы, истребы, иты 237; отмѣтимъ отдѣльно: князыи ростовьскыхъ, быюще 168, здоровыемъ 202; замѣчательно ы вмѣсто и, замѣнившаго ѣ: ныцыи (нѣции); обратно ѣ вмѣсто и, замѣнившаго ѣ: манастѣрѣ 219, убѣткѣ (убытки).

Укажу далѣе на появленіе *а* вмѣсто неударяемаго *о*: пропавѣдаше, наоугородчемъ, навгородци, начевать, браталюбно, златаустаго, паваевавъ, съ братамъ; на смѣшеніе *ч* и *ц*: конечь, язычи, єродничи, в нарѣчаемѣмъ, и т. д.; идуци, а ркоуци, о конџѣнѣ, цающе, цинита и т. д.; смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ: преставиша (вм. преставися), ускун, явиишаша (вм. явишася) 167, князити, кнзеньс.

Итакъ особенности письма и языка лѣтописи Авраамки оказываются тождественными съ письмомъ и языкомъ псковскихъ памятниковъ. Считаемъ поэтому доказаннымъ, что названная лѣтопись списана съ псковскаго оригинала [1]). Этотъ выводъ важенъ для насъ въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, онъ устанавливаетъ фактъ взаимнаго литературнаго общенія Пскова и западной Руси, фактъ отрицаемый Н. М. Каринскимъ [2]); во-вторыхъ, онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что при

---

[1]) Отмѣчу, что Е. Ѳ. Карскій статьей котораго я воспользовался при описаніи языка лѣтописи Авраамки, обратилъ особое вниманіе на смѣшеніе въ ней *ц* и *ч*: для объясненія этой особенности онъ прибѣгъ къ предположенію, что Авраамка былъ родомъ изъ юго-западной Руси или по крайней мѣрѣ изъ Полѣсья. Теперь, благодаря изслѣдованію Н. М. Каринскаго, утверждаемъ, что мы имѣемъ въ этомъ явленіи особенность псковскихъ памятниковъ.

[2]) Повторимъ приведенную уже выше его фразу: „Но намъ не удалось найти псковскихъ копій съ западно-русскихъ рукописей, а равно и указаній на обмѣнъ рукописнымъ матеріаломъ между Псковомъ и западной Русью“ (с. 205).

перепискѣ рукописей даже неоднократной [1]) могли сохраняться мѣстныя діалектическія и орѳографическія особенности протографа: ср. здѣсь псковскую діалектическую черту—мѣну шипящихъ и свистящихъ. Поэтому считаемъ себя вь правѣ искать въ западно-русской письменности посредствующія звенья между средне-болгарской письменностью и псковской; поэтому же не видимъ затрудненія отнести рядъ особенностей псковскихъ памятниковъ насчетъ другихъ непсковскихъ діалектовъ и выводить графическія ихъ черты даже изъ Болгаріи.

V.

Супрасльскій сборникъ князей Одинцевичей, ставшій извѣстнымъ съ 1823 года, благодаря изданію извлеченной Даниловичемъ изъ него литовско-русской лѣтописи, принадлежалъ нѣкогда Супрасльскому монастырю; онъ въ большей части писанъ однимъ полууставнымъ почеркомъ въ 1519 году нѣкіимъ Григоріемъ Ивановичемъ, служившимъ у князя Одинцевича; послѣднее обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что Григорій Ивановичъ работалъ гдѣ-либо въ Друцкомъ повѣтѣ, ибо тамъ находились родовыя помѣстія Одинцевичей. Главныя статьи сборника слѣдующія: 1) Избранне лѣтописання ізложено въкратце, 2) Лѣтописець великых князеи литовьскых, 3) Русскій переводъ Вислицкаго статута Казимира Великаго, 4) часть Кіево-Печерскаго патерика [2]).

Имѣя въ виду общія съ псковскими памятниками черты въ пріемахъ графики Григорія Ивановича, укажемъ прежде всего, что мы не находимъ указаній на псковское происхожденіе ни оригиналовъ разсматриваемой рукописи, ни первоисточниковъ вошедшихъ въ Супрасльскій сборникъ статей. Сомнѣніе могла бы вызвать только первая часть сборника, представляющаяся общерусскою лѣтописью, доведенною до 1446 года; она въ числѣ источниковъ имѣетъ новгородскую лѣтопись, которая могла быть извѣстна въ Западной Руси въ псковской редакціи (ср. лѣтописный сводъ псковскаго происхожденія, переписанный смоленскимъ Авраамкой). Въ виду этого считаю себя обязаннымъ сообщить здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ выводы мои относительно

[1]) Въ виду двухъ почерковъ въ лѣтописи Авраамки, при чемъ послѣсловіе писца дано вторымъ почеркомъ, ясно, что мы имѣемъ передъ собою копію съ лѣтописи Авраамки, которая въ свою очередь копировала псковскій лѣтописный сводъ.

[2]) Подробное описаніе сборника см. въ XIII т. Лѣтописи занятій Археогр. Коммиссіи; новѣйшее изданіе двухъ первыхъ статей сборника въ XVII томѣ П. С. Р. Л.

источниковъ общерусской лѣтописи, доведенной до 1446 года и помѣщенной въ началѣ Супрасльскаго сборника. Лѣтопись эта возстанавливается и по другимъ памятникамъ западно-русскаго лѣтописанія, а именно по Никифоровскому и Академическому спискамъ, а также еще по Уваровскому списку. Она составлена, какъ это видно изъ статей, вошедшихъ въ конецъ лѣтописи (начиная съ 1431 года), въ Смоленскѣ, на основаніи четырехъ источниковъ: 1) московскаго митрополичьяго свода, доведеннаго до 1446 года въ спискѣ, восходящемъ къ 1498—1502 годамъ [1]), 2) Софійской 1-й лѣтописи первой редакціи (редакціи, дошедшей до насъ въ спискахъ Карамзина и Оболенскаго) [2]), 3) Новгородской 4-й лѣтописи, 4) западно-русскихъ (смоленскихъ) записей. Интересующія насъ особенности въ языкѣ и графикѣ Супрасльскаго сборника встрѣчаются во всѣхъ частяхъ общерусской лѣтописи, между прочимъ и въ смоленскихъ извѣстіяхъ; допустивъ, слѣдовательно, даже мало вѣроятное предположеніе о псковскомъ происхожденіи компиляціи, легшей въ основаніе разсматриваемой общерусской лѣтописи, мы все-таки принуждены будемъ признать, что западно-русскому ея редактору не чужды были отмѣченныя ниже особенности письма—и это тѣмъ болѣе, что тѣ же особенности повторяются и въ другихъ статьяхъ Супрасльскаго сборника—западно-русской лѣтописи, патерикѣ и даже въ переводѣ Вислицкаго статута.

Послѣ этихъ замѣчаній приведемъ извлеченныя изъ Супрасльскаго сборника данныя, указывая сокращенно, изъ какой именно статьи заимствованъ тотъ или другой примѣръ [3]).

Графическія особенности: 1) ж: роусьжю (о) 47, шанебѣкж (о) 52, коуклжи (о) 47 (любопытно тамъ же: коуклжы), кжтлжю (о) 52; 2) лу, ла, ну, на вмѣсто лю, ля, ню, ня и т. п.: сынлоущи (о) 12, ко королоу (о) 44, 65, 54, (з) 79, 82, кролу (в) 216, идаше вм. идяше (п) 281, по приклоучаю (п) 329, дядоу (о) 45, (з) 76, оуглнчю полоу (о) 47, ко корсоуноу (о) 13, соужьдалоу (п) 306, изъ соуздала

---

[1]) Изъ этого источника заимствованы: вводныя статьи передъ лѣтописью, нѣсколько вставокъ въ части до 1309 года, часть отъ 1310 до 1383 года, рядъ вставокъ въ части отъ 1383—1418 года, часть отъ 1419 до 1427 года, нѣкоторыя извѣстія подъ 1437 и 1444—1446 годами.

[2]) Изъ этого источника взята часть отъ 1383 до 1418 года (кромѣ сдѣланныхъ въ ней вставокъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи).

[3]) Буква (о) обозначаетъ общерусскую лѣтопись, (з)—западно-русскую, (в)—вислицкій статутъ, (п)—патерикъ. Цифры при первыхъ двухъ буквахъ означаютъ страницы XVII тома П. С. Р. Л., а цифры при буквахъ (в) и (п) *страницы* рукописи.

(о) 37, мстиславлоу (з) 78, въза (о) 48, кнгина (о) 12, замятна (о) 34, изаслава (о) 16, взал (о) 38; 3) обратно, ля, лю, ня, ню вмѣсто ла, лу, на, ну: лядогу (о) 22, расъсохиня (о) 58, брятню (о) 11, александрю (о) 26, ня потребоу (п) 262, со Блюдом (о) 10, дат. бояринию (п) 289; 4) ре, не, се и т. п. вм. ро, ра, но, на, со: постреда (о) 20, постредати (п) 318, 340, поясемь (п) 253, 255, бояринемь (з) 84 [1]); 5) лъ, нъ, тъ и т. п. вм. ль, нь, ть: королъ (о) 26, 64, (з) 79, 83, данъ (о) 6, и яшас по нъ (о) 7, конъ (о) 7, от сеголъ дѣла (о) 7, ярославлъ (о) 16, воплъ (о) 58, на осенъ (з) 80, кролъ (в) 218, храанятъ 3 мн. (п) 280, погибелъ (п) 250, во кораблъ (п) 253, отдателъ (п) 288, честъ вм. честь (п) 261, на нъ (п) 262, свидителъ (п) 297, опятъ (п) 331, моя властъ (п) 339; 6) написанія *е* вм. *и*: дат. петрове 340, молетеся (п) 330, пременоу (п) 327, мера деля (п) 324, коупемь (п) 316, на вышьнемь степене (п) 304, оузреши (п) 257, ведих вм. видѣхъ (п) 253, во очене (о) 55, по троиценѣ дни (о) 59, не пособе (о) 64, во болшеньстве (з) 71, ведбескь (з) 74, нецеи (з) 80, володемѣръ (з) 80; 7) написанія *и* вм. *е*: олигъ (о) 5, пминемь (о) 24, мижи собою (о) 39, виликыи (о) 45, знаминие (о) 48, метилица (о) 69, вязимьскоую (о) 69, виликому (о) 70, со матирию (з) 74, прижиисть (з) 74, градомъ жи (з) 77, срибро (п) 263, отнелижи (п) 271, г(лаго)лить (п) 286, 332, с(вя)тою бцию (п) 288, видивъ жи (п) 317, от вилеких града вм. великихъ града (п) 321, 3 аор. взниди (п) 264, моучиничискими (п) 327; 8) написанія *и* вм. *ѣ*: во пещери (п) 330, ефримь (п) 308, повидаша (п) 284, риста (п) 268, вписи (п) 270, на мисте (п) 274, измириша (п) 274, мнивъ (п) 265, повели 3 аор. (п) 264, крипко (о) 23, 65 не сми 3 аор. (о) 66, литви (з) 81, погориша (о) 70, надияся (з) 75, нимци (з) 75, оузриль (з) 79, разболися (з) 80, на синѣ (о) 56, в реци (о) 40, на том холми (о) 11, въ новигороде (о) 9, иминия (о) 70, оувирило (о) 65, намисника (о) 46 и мн. др.; 9) написанія *ѣ* вм. *и*: мѣръ вм. миръ (о) 6, дедѣчи (з) 81, въ тоерѣ (о) 57, истопѣтеся 2 пов. (п) 251, сотворѣхомъ (п) 280, георъгиевѣ (п) 260; 10) отмѣтимъ еще нѣсколько случаевъ графической замѣны *ъ* черезъ *е*: исправеления (п) 325, обедержати (о) 25, обеседахоу (о) 25, ве черничьское имя (п) 293; графическимъ путемъ вмѣсто грьцѣ (въ подлинникѣ могло быть грьци) явилось горце и горьци (п) 280. Написаніе бл(а)ж(е)нен кнзь светоша (п) 333, въ виду сказаннаго выше на с., объясняю графически вмѣсто блаженѣи—блаженіи.

---

[1]) Ср. невгородского, невгородском въ Погод. № 1413, невгородская въ Палеѣ 1494 г. Каринск. с. 79, 80.

Особо отмѣтимъ написанія *я* (*а*) вм. *е*: свещана (о) 16, освещана (о) 27, 3 ед. идяша (о) 20, воеваша (о) 51, слаша (з) 81, приемьлять (п) 263, она жа (п) 268, мяртви (п) 274 [1]), да вонимаята собѣ вм. да вънимаста собѣ (п) 339, на водроузения (п) 278, взятья (о) 26; написанія *я* вм. *ѣ*: пресядящи (п) 336, оувящеваня (п) 336, разгоряся срдцемь (о) 23, хотяхомь (п) 282; написанія *е* вм. *я*: за клетвоу (п) 299, граженинъ (п) 307, древене досце (п) 289, челеди (п) 317, 3 мн. слышаше (п) 332, пресветая (п) 272, по редоу (п) 265, поесъ (п) 255, взела (п) 252, гледах (в) 218, светыми (в) 212, жьрехоу (о) 11, дрѣвена (о) 11, изнеможехоу (о) 12 и мн. др. (преимущественно въ слогахъ неударяемыхъ).

Особо отмѣтимъ и написанія *и* вм. *ы*: на все црквии чинь (о) 20, грамоты црви (о) 34, во Мозири (о) 59, во Хвалыси (о) 60, теми еписпи (о) 57, топ же зими (о) 56, ми видихомь (о) 49, тисячькыи (о) 34, вин. мн. сосоуди, диякони (о) 14, вин. мн. целы от ранъ и здрави (п) 252, до трех тисячи (п) 259, тоя бжствеиия црквп (п) 275, вин. мн. руци мои (п) 318, верховии апслъ петръ (п) 296, во милостиню (п) 287, подрежа (подрѣза) емоу листы (п) 323; князю Володимероу... тогда бивши въ Кииве (з) 80; написанія *ы* вм. *и*: сы же моляхоуся (п) 329, николыжь (п) 267, великими а оуспанелимы довцепносцями (в) 226, со всимы вои (о) 6, *от* Грекыны (о) 12, истыньна (о) 13, потопы (о) 16, безьцельнымы (о) 21, сылы (о) 25, со единомысленымы (о) 42, своимы (о) 46, зыма (о) 69, цричыными (о) 13, овъцы (о) 46.

Отмѣчу указанія на отвердѣніе *р*: келара (п) 298, олътаръ (п) 281, прамо (п) 318, вноутръ (п) 311, манастыръ (п) 264, горъки (п) 261, обращеши (п) 275, *от* цраград (п) 268, в маръинь город (з) 80, царъ (о) 66, дщеръ (о) 55, браньскых (о) 49 и т. д. Конечныя губныя тверды: кровъ (о) 53, (з) 78, црковъ (п) 296, любовъ (п) 255 и т. д.

Приведу еще случаи, доказывающіе аканье: навгородць (о) 24, навгородсти (о) 12, с тавары (о) 25, полтара (о) 22, кароуны (о) 61, ис карабля (о) 6, оузарочие (а) 7, начоваль (о) 62, оспадремь (о) 69, стословамь (о) 19, федаровъскыи (о) 54, ягаплавы (з) 76, рагнедіноу (о) 10, хавати (в) 217, подабаеть (п) 300, во паварни (п) 335, сатоноу (п) 301 и др.

Не буду останавливаться на подробной характеристикѣ языка

[1]) Врядъ ли это полонизмъ.

Супр. сборника; отмѣчу, что въ немъ содержатся типичныя черты бѣлорусскаго говора, для примѣра укажу на двойное *н*: игуменьнею волею и вся братия (п) 334, на ры: крываво (о) 48, на произношеніе *л* въ концѣ слога какъ неслоговое *у*: ср. возможность написаній, какъ оу вольторокь (о) 46, и мн. др.

Но я долженъ отмѣтить здѣсь двѣ звуковыя черты въ говорѣ писца Григорія Ивановича, которыя представляются вообще весьма оригинальными и рѣдкими среди западно-русскихъ говоровъ. Одна изъ нихъ сближаетъ говоръ Друцка съ говоромъ Пскова, а другая не находитъ себѣ подобнаго соотвѣтствія: первая черта это смѣшеніе шипящихъ со свистящими, вторая смѣшеніе мягкаго *т* съ мягкимъ *ч*. Укажу на примѣры смѣшенія шипящихъ со свистящими: погроузяти (о) 16, испроверзе (о) 15, помозе (о) 29, 38, 49, оу мысцоу (о) 52, полонися (о) 53, просис 3 мн. (о) 53, сотворися 3 мн. (о) 54, поставися (о) 57, положис 3 мн. (о) 56, понесося (з) 81, создаша и свесрися (п) 249, да обесѣнь боудеть (п) 254, вси прославися (п) 265, на водроузения (п) 278, прославися великого б(ог)а 283, изьвлекося (п) 311, вопросяхоуть (п) 324, зѣлѣзь (п) 324, зелезь (о) 58;— оскверниша земля (о) 11, съвлечеша (о) 21, злоба слоучиша (о) 20, шетаяша (о) 22, биша пѣшь (о) 24, немоша (о) 52, оумышливъши (о) 56, поклонисяша (о) 67, покориша 3 аор. (о) 20, ческого княжя (о) 2, помѣсить (з) 71, томдитьлся (з) 75, жижьдеть црковъ (п) 256, с(вя)тыи же обещаша (п) 257, помышьли 3 аор. (п) 262, тои бо обещаша (п) 267, постыдивша покаися (п) 308, подрежа вм. подрѣза (п) 323, крестисяша (п) 321, повиниша воли нашеи (п) 324, плачаша не преста (п) 331, и мн. др. Конечно, выводить эту замѣну *с*, *з* звуками *ш*, *ж* и обратно *ш*, *ж* звуками *с*, *з* для даннаго памятника изъ Пскова невозможно, въ особенности потому что мы найдемъ ее и въ западно-русской лѣтописи; но мы въ правѣ признать друцкое и псковское явленія однородными. Друцкое явленіе сопоставимъ прежде всего съ смоленскимъ. Изъ изслѣдованія Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы II, 454, 457, я знаю, что въ матеріалахъ, собранныхъ О. М. Бодянскимъ и хранящихся въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, есть рукопись анонимнаго автора, утверждающаго, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской губерніи *з* передъ гласными мягкими и согласными плавными произносится шепелевато, т. е. звукомъ среднимъ между *з* и *ж* (зюкаць, зимно, на взнясеньня) и что „*с* шепелеватый звукъ (средній между *с* и *ш*) имѣетъ только передъ гласными мягкими, полугласною *ъ* и согласною *в*, когда за нею находится глас-

ная мягкая: сёлито, сянни, йёсь, святэй, свитанць, валосься". Имѣется еще свидѣтельство Микуцкаго о томъ, что „буквы *ш*, *ж* иногда произносятся (въ Смоленской губ.) *с*, *з*" [1]). Во всякомъ случаѣ, благодаря Супрасльскому сборнику, мы въ правѣ утверждать, что и въ друцкомъ говорѣ наблюдалась нѣкогда та самая шепелеватость, что въ псковскомъ, и это должно быть принимаемо во вниманіе при характеристикѣ памятниковъ, представляющихъ смѣшеніе шипящихъ и свистящихъ.

Характернымъ для Пскова было то, что, рядомъ съ шепелявостью (совпаденіемъ свистящихъ и шипящихъ въ особаго вида смягченныхъ альвеолярныхъ звукахъ, которые назовемъ шепелявыми), звуки *ч* и *ц* совпали въ одномъ звукѣ; Н. М. Каринскій на стр. 178 вѣрно указываетъ, что нѣкоторые писцы вовсе не отличали *ц* отъ *ч*. Но въ Друцкѣ эта черта была неизвѣстна: написаніе лоуцескъ (о) 58 искусственное, вмѣсто лоуцкъ. Зато мы найдемъ здѣсь, какъ указано, совпаденіе въ одномъ звукѣ т́ и *ч*: очевидно, *ч* было мягко въ ту эпоху, когда обнаруживается эта черта; можно думать, что т́ перешло, какъ вообще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи въ ц́, которое и смѣшалось съ ч́; между тѣмъ старое ц́ въ это время уже отвердѣло; поэтому оно не смѣшивается съ ч́. Итакъ передъ нами въ Супрасльскомъ сборникѣ несомнѣнно дзекающій бѣлорусскій говоръ. Приведу примѣры смѣшенія буквъ *т* и *ч*, свидѣтельствующаго о совпаденіи въ одномъ звукѣ звуковъ т́ и ч́: рекоути (о) 18, зовоути (о) 35, теркаси (о) 41, о*т*тича (о) 48, даютися (о) 50, плачати (о) 4, о*т*чита (о) 49, полотяне (з) 64, к дотьце (з) 71, псковити (о) 53, неодинотьство (о) 46, местить (з) 74, выскотивъ (з) 71, на смотрити (з) 82, стерети (з) 76, видяти (в) 212, дедити (в) 226, не хочати (в) 213; чернетества (п) 335;— елико хотячь (о) 6, кестоучи (з) 71, ко чьщю (з) 81, мздоу праведничю примечь (п) 263, латина чтоучь (п) 252, и др. Отмѣчу еще написанія *щ* вм. *ст* и *ст* вм. *щ*: крещань (о) 54, оу крящяне*х* (о) 9, мещеръ вм. местеръ (о) 64, крещяне (п) 251;—известение (п) 323, не имоусти крепости (п) 337 [2]).

Послѣ этого необходимаго отступленія, я рѣшаюсь утверждать, что наиболѣе характерныя черты письма псковскихъ памятниковъ могутъ быть прослѣжены и въ памятникахъ западно-русскихъ; оставлю

---

[1]) Е. Ө. Карскій, Бѣлоруссы, II, 492.

[2]) Н. М. Каринскимъ отмѣчено два случая, гдѣ въ псковскомъ памятникѣ *ч* замѣнило мягкое *т*: окроучила и расчиснустася челюсти (стр. 56 и 188); оба случая въ Палеѣ 1477 года.

въ сторонѣ тѣ написанія, которымъ было соотвѣтствіе въ живыхъ говорахъ—псковскихъ и бѣлорусскихъ, ибо они по объясненію, предложенному Н. М. Карпнскимъ, свидѣтельствуютъ о движеніи самихъ бѣлорусовъ въ Псковскую область; я выдвигаю тѣ написанія, которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отраженіемъ живого языка, какъ напримѣръ *е* вм. *я* въ клетвоу, *я* вм. *е* въ хотяхомь, далѣе *и* вм. *ы*, *ы* вм. *и*, затѣмъ *и* вм. *е* напр. въ олигъ, *е* вм. *и* въ вилекихъ, и т. д. Эти написанія дѣлаютъ вѣроятнымъ книжный обмѣнъ между Псковомъ и Западною Русью.

Укажу еще на Уваровскій списокъ западно-русской лѣтописи [1]). Здѣсь, правда, гораздо въ меньшемъ количествѣ попадаются поразившія насъ графическія особенности Супрасльскаго списка: ср. *е* вм. *и*: земы 90, ведѣ 121, *е* вм. *я*: шетерныи 122, метежь 107, съ землеми 103, *и* вм. *е*: гричинъ 109, на предние 93; *а* вм. *е*: 3 ед. избираша 115, стояша 121, *я* вм. *ѣ*: исякоша 121; тв. ед. воеводую 108; *ы* вм. *и*: архиепспыя 112; *и* вм. *ы*: гра*д* Крывии 92 (ср. Крывы горо*д* 92), бити къ собѣ 137, ну вм. ню: оу поустыноу 118; лю вм. лу: с Блюдомь 113, и т. д. [2]). Въ Чудовскомъ сборникѣ XVI вѣка № 62 (264), описанномъ въ Библіогр. матеріалахъ, собранныхъ А. Н. Поповымъ [М. 1889], находимъ кнезя, поеса, свезася; обратно: ѧмѫ (ср. написанія ѧмоу, ѧго, обычныя въ сербскихъ памятникахъ), чадо моѧ, землѧдѣльца, влечаша; далѣе употребленіе ѫ; вин. пад. ѧ вм. ю, и др.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что среди западно-русскихъ памятниковъ XIV и XV в. найдутся еще и другіе съ тѣми же особенностями въ графикѣ, со смѣшеніемъ *ѣ* и *и*, *е* и *и*, ѧ и *е*, *ы* и *и*. На вопросъ, какъ же попали эти особенности въ Западную Русь, не знавшую перехода *ѣ* въ *и* и не смѣшивавшую звуковъ *и* и *ы*, отвѣчаю, что онѣ перенесены туда изъ Южной Руси. Естественно, что и южно-славянское вліяніе проникло въ Западную Русь, а отсюда дальше и въ Псковъ, именно черезъ посредство Галича и Кіева. Имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя дѣлаютъ такой путь весьма вѣроятнымъ.

Въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ имѣется рукопись, пріобрѣтенная въ девяностыхъ годахъ и описанная А. И. Соболевскимъ въ Чтеніяхъ въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца за 1898 годъ (кн. XII-я): это Евсевіево евангеліе 1283 года, писанное въ Галичинѣ. Въ этомъ рѣдкомъ южно-русскомъ памятникѣ конца XIII вѣка

[1]) Изданъ въ XVII т. П. С. Р. Л.

[2]) Любопытно отъ Кляжмы 120.

встрѣчаемъ нѣсколько южно-славянскихъ особенностей, изъ которыхъ часть ведетъ насъ къ средне-болгарскимъ, а часть къ сербскимъ оригиналамъ. Основаній думать, что южно-славянскія особенности проникли изъ живого языка писца, который говорилъ бы, слѣдовательно, не чистымъ русскимъ языкомъ, а смѣсью русскаго языка съ болгарскимъ (такъ именно думалъ А. И. Соболевскій), мы не имѣемъ; неясно было бы, почему въ такомъ смѣшанномъ говорѣ, заключающемъ русскіе и болгарскіе элементы (съ значительнымъ преобладаніемъ русскихъ, какъ замѣчаетъ А. И. Соболевскій), обнаруживаются еще сербскія черты: ср. появленіе *е* вм. ѧ въ учеще или *ѣ* вмѣсто ѧ въ грѣдеть? Приходится остановиться на болѣе простомъ предположеніи, по которому поповичъ Евсевій имѣлъ въ своемъ распоряженіи среднеболгарскій оригиналъ въ сербской редакціи. Отмѣчу нѣсколько особенностей въ его сложной графикѣ: 1) форма имен. ед. употребляется вмѣсто другихъ падежныхъ формъ того же числа: глаголы животъ вѣчнаго имаши, отъ духъ свята, придъ (аор.) ко гробъ, очистися отъ проказа— это опредѣленно можно признать болгаризмами; 2) формы 1 л. ед. глагола: непьщюя, причастія: негодую доказываютъ смѣшеніе юсовъ въ оригиналѣ; 3) написанія ру, лу, ну, вм. рю, лю, ню: Лазору (зв. ед.), плуну, въ пустыну; 4) обратно лю вм. лу: разлючаете; 5) написанія сви, све тѣло, свю Галилѣю, свя пжденетъ и т. д. ведутъ насъ къ сербской редакціи [1]). И вотъ рядомъ съ этими южно-славянскими особенностями находимъ въ евангеліи 1283 года смѣшеніе буквъ *е* (*ѣ*) и *я* (*а*), съ одной стороны, смѣшеніе *ы* и *и*, съ другой. Смѣшеніе *е* (*ѣ*) съ *я* (*а*) однородно съ извѣстнымъ уже намъ изъ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятниковъ сербской редакціи смѣшеніемъ. Такъ находимъ: 1) *е* вмѣсто *я*: стоя и грѣеся, учеще, всекъ, отвѣще, не осужсить 2 л. мн. пов., возлежехоу, муже не знаю, сердце ваша; 2) *ѣ* вмѣсто *я*: ненавидѣи, входѣи, мнѣще, видѣть 3 мн., сѣдеть, грѣдеть, дѣтѣ, узрите мѣ, поставлю тѣ, МарьяИяковлѣ, птицѣми, нарицѣется, отягчѣли; 3) *я* вм. *е*: въ всямь мирѣ, камянь, ня имать, за умножѣнья; 4) *я* вм. *ѣ*: не бряжеши, на жрябяти, фарисяи, видяша, о мня, обрятоша, старяшинамъ, лицемяри, брямя. Ясно, что эти случаи одно-

---

[1]) Формы съ св— вм. вс—находимъ въ сербскихъ памятникахъ XIV в., напр. свиехь въ грамотѣ 1333 года (Miklosich, Mon. serbica, 104), и даже XIII в.: и сь свовь онькина дубровчька, гр. 1247 года (ib. 31). Въ апостолѣ XIII в. Томича (Моск. Ист. музея): вь свѣхь градѣхь (В. Н. Щепкинъ, Болонская Псалтырь, приложенія, с. 263).

родны съ тѣми, которые имѣются въ псковскихъ памятникахъ [1]); обращаетъ на себя однако вниманіе сравнительно бо́льшее число случаевъ, гдѣ *я* замѣняетъ *ѣ*; это объясняется, конечно, непосредственнымъ вліяніемъ со стороны средне-болгарскаго оригинала.

Смѣшеніе *ы* и *и* находимъ въ пустиню, сидяхуся, тисяща, грѣшнии (въ записи), сыръ вм. сиръ. Съ вѣроятностью относимъ и эту особенность не на счетъ мѣстнаго южно-русскаго нарѣчія, а насчетъ средне-болгарскаго оригинала.

Напротивъ, съ полнымъ основаніемъ относимъ вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ на счетъ русскаго говора писца рядъ другихъ особенностей, какъ-то появленіе *ѣ* вм. *е* въ слогахъ, за которыми слѣдовалъ нѣкогда слогъ съ звукомъ *ь* (исполнѣнья, учитѣль, по сѣмь), далѣе замѣну *ѣ* черезъ *и* (напр., пинязь, самариескъ, никии, заприти, на овчи купили, въ отечествьи своимъ, евсивии), смѣшеніе *у* и *въ* (у пустыни, вымрѣти) и т. д.

Евангеліе 1283 года—древнѣйшій южно-русскій памятникъ, гдѣ особенно рѣзко выступили болгарскія и сербскія особенности; но такія особенности мы найдемъ въ единичныхъ случаяхъ и въ памятникахъ старшихъ [2]). Изъ позднѣйшихъ памятниковъ отмѣтимъ, напр., Указатель евангельскихъ чтеній XIII—XIV в., который по соображенію А. И. Соболевскаго (Очерки, 32) списанъ съ средне-болгарскаго оригинала: ср. въ немъ употребленіе большаго юса, замѣну этого юса малымъ, а также іотированнымъ *а*, далѣе написанія, какъ на вѣнчѣни, притъчѣми, род. ед. нашия вм. нашея. Поликарпово евангеліе 1307 г. представляетъ не только такое написаніе, какъ грѣдеть, а также *а* вм. ѧ и обратно (припоясавса, постявять), но и смѣшеніе *ч*, *ж* съ *ц*, *з*, извѣстное и изъ средне-болгарскихъ памятниковъ (очта вм. оцта, възложити, ложье) [3]). Въ Часословѣ XIV в. Имп. Публичн. Библ. находимъ: въ чѣдѣхъ, чѣдью, въ ужѣсѣ, пустыиню и др. [4]).

---

[1]) Ср. всекъ Типогр. пс. XIV в. № 36, веще (вѣща) тамъ же, срдце ваша тамъ же, ненавидѣн Палея 1494 г., моуже вин. ед. Палея 1477 г. имѣе Чуд. № 270, стрѣжеху Апостолъ 1309—1312 г., птицѣмъ Лук. ев. 1409 г., жряшя Креховск. Палея, и т. д.

[2]) Напр. въ Добр. ев. 1164 г.: заблюжьшая, развращееть (указывало бы на развраштѣеть), тко (вм. кто, что обычно въ сербскихъ памятникахъ), просыти, совѣтныкъ; въ Типогр. ев. № 6 XIII в.: о*тн*ядь, на распятьи (вм. распутьи), бицъ (ср. мѣну *ч* и *и* въ среднеболгарскихъ памятникахъ), славлааше, ѣдать; въ Гал. ев. 1266—1301: еща, изъ далича, тысящьникъ.

[3]) Впрочемъ, смѣшеніе з и ж извѣстно въ русско-молдавскихъ грамотахъ.

[4]) Русск. Фил. Вѣстникъ 1894 г. № 4.

Рукопись Публ. библ. Погод. № 71а, содержащую поученія Ефрема Сирина, я, несмотря на возраженія А. И. Соболевскаго, признаю памятникомъ XIII вѣка; она писана на пергаменѣ и своими палеографическими особенностями сходится именно съ рукописями этого вѣка, а не конца XV в. Несомнѣнно, писана на югѣ, на Волыни; содержитъ ясныя на то указанія въ языкѣ. Отмѣтимъ: обрящаеть, напротивъ; обращеть, сращеть, гл(агол)ущему. Интересно для насъ: 1) чередованіе *и* и *ѣ*: прибываше, срдцевидець, приспавъши, долготерпиливу, разлучинья; обратно: лѣцемѣры, есифовѣ, удавѣте, покорѣмъ; 2) чередованіе *е* и *и*: пишить, радуиться 3 ед., немощинъ, суитѣ, незыблимаго, гл(агол)имое; обратно: скорбеши; 3) чередованіе е (ѣ) съ я (а): съпяще вин. ед., въ послушание мѣсто, хлѣбъ прѣдложенье, прѣмножьство бестудье; обрѣщеть; обратно: дѣлаяши, им. ед. весѣлья; 4) смѣшеніе *ы* и *и*: си вм. сы, спѣти псальми, помыслылъ, нинѣшнии, не видѣлъ лы еси, сълѣпымъ сырымъ, сырымы и удовами, сдѣяными 194а.

Особенный интересъ для насъ представляетъ южнорусское евангеліе изъ собранія Верковича (Имп. Публ. библ. Fп I, 99), описанное А. И. Никольскимъ [1]). Его малорусское происхожденіе доказывается написаніями съ *ѣ* вм. *е* въ опредѣленныхъ категоріяхъ случаевъ, появленіемъ оу вмѣсто въ и др. Въ этомъ евангеліи обнаруживаются рѣзкіе болгаризмы: 1) употребленіе им. ед. вмѣсто косв. падежей: вечоръ же бывшю, оутро же бывшю; 2) о вм. у: постити, радоися, помилои [2]); 3) *е* вм. ѧ, замѣнившаго ѫ: овца по мнѣ грядеть, слушаеть, требоуеть, свѣдительствоуеть 3 мн.; 4) *ц* вм. *з*: ноци его, вонци ножь (ср. среднеболг: кладѧць, въцимати; Kalina, с. 301); 5) вставка н: анце, анбье, заповѣидии, мыи, и др. И вотъ, что̀ въ этомъ памятникѣ обнаруживается относительно графическихъ явленій, связанныхъ съ буквами е, ѣ, я, и, и т. д. Во-первыхъ, находимъ здѣсь: *е* вм. ѧ и ꙗ: срещеть, въпрашеніе, им. мн. помышлѣніе; ѣ вм. *я*: ѣко, срамлѣюся; 3 мн. не видѣть; во-вторыхъ, ѧ вмѣсто *е*: всягда, не хотяшя 3 ед., окамѧни; въ-третьихъ, *е* вм. *и*: ище, ожиися, *от* теби, смоущаится, оустрашаиться, напротивъ, *е* вм. *и*: изеде; 2 пов.: изиде, повеле, спиде; *и* вм. *е*, замѣнившаго ѧ: стизающимася, не оскверпитcя 3 мн.; въ-четвертыхъ, *ѣ* вм. *и*: оумрѣтѣ, на поутѣ, въ купѣлѣ, прѣ вратѣхъ,

---

[1]) Русск. Фил. Вѣстникъ 1894 г. № 4.

[2]) Написанія съ *о* вм. *у* обычны и въ Псковскихъ памятникахъ; я ихъ не отмѣчалъ, предполагая возможность описки, если *о* замѣняетъ оу.

прѣобрѣсти; *и* вм. *ѣ*: заповиди, сквозѣ спяния, видяхъ; въ-пятыхъ: смѣшеніе *ы* вм. *и*, напр. избивають вмѣсто избывають, наситися; напротивъ, ыз гробъ; в ныны буква ы замѣнила *и*, стоящее вм. *ѣ* [1]). Отмѣчу еще твор. ед.: радостью вѣлью, съ мрьею оброученою сущю непраздною, всею дшюю; ср. сказанное выше о твор. на ую въ псковскихъ памятникахъ.

Укажу еще на Каменецъ-Строміловское четвероевангеліе 1411 года, описанное г. Крыжановскимъ [2]). Здѣсь выступаютъ рѣзкіе болгаризмы: 1) употребленіе ѫ и замѣна его черезъ ѧ, 2) *а* вм. ю: оумпраа, имѣа, братіа, даже ародивы*х* вм. юродивыхъ (въ подл. было ѧродивыхъ); 3) *ю* вмѣсто *я* вслѣдствіе замѣны ѧ черезъ ѫ въ оригиналѣ: поколѣбати сю, ни вина пію, еже мнитсѧ имѣю; 4) *а*, *я* вмѣсто ожидаемаго *у*, *ю* въ вин. ед.: ре*ч* притча сія, ноужда имѣяше; даже въ записи: сія книгу; 5) лю вм. лу: ѫглю, діяволю дат. ед.; 6) ъ вм. ь: цръ, дождъ, приступлъ, сѫтъ, естъ; напротивъ, ь вм. ъ: бѣсь, заповѣдавь, аггль. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтимъ: во-первыхъ, *е* вм. *я*: болещая, стезатися, свезавше, отегчени, ближнего, вышнего, плащеницю, позобаше, предаше, не яше вѣры; во-вторыхъ, смѣшеніе *и* и *ѣ*: придадя*т*, прида*л*, притерпѣвыи, по вѣри, въсхотиша, сіанія; въ-третьихъ, *и* вм. е: сторицію, обратно: о*т* истены; въ-четвертыхъ, смѣшеніе *ы* и *и*: рызы, при моры, о левіи мытары, мный, въ срдцыхъ, въ всѣхъ языцых (итакъ, *ы* является и на мѣстѣ ожидаемаго *и* и вм. *ѣ*, чего нельзя признать малорусизмомъ), пастырые; обратно: рибарѣ, къторіи им. ед., о*т*крити, крови три вм. кровы три.

Четвероевангеліе конца XV в., принадлежащее Кіевскому Церковно-археологическому Музею и описанное г. Крыжановскимъ [3]), памятникъ несомнѣнно южно-русскій: ср. оу вмѣсто въ, форму клинется, и т. д. Изъ южно-славянизмовъ отмѣтимъ: замѣну ъ черезъ ь: рабь, продавь; *а* вм. *я*: краа; лю вм. лу: юглю и др. Отмѣтимъ при этомъ; 1) *е* вм. *я*: стежаніе, еремнича вм. яремнича, метежи, трепезою, 3 мн. вѣроваше, 2) *и* вм. *ѣ*: при гори, по мни, ерии, клеврити, жрибия, на колпну, повели 3 аор., грѣси; обратно: нарѣцаемою, дѣря, спѣте; 3) *е* вм. *и*: галелѣю, от крупець, прележи; 4) смѣшеніе *ы* и *и*: до послѣдных, вожы слѣпіи; обратно: рибу, рибаря.

---

[1]) Ср. ныны въ псковскомъ памятникѣ, Ипатьевской лѣтописи.

[2]) Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ, с. 105 и сл. Нынѣшнее село Каменка-Стромилова въ Галиціи, въ Золочевскомъ уѣздѣ, при Западномъ Бугѣ.

[3]) Тамъ же, с. 131 и сл.

VI.

Подводимъ итоги предыдущему изслѣдованію. Признавая особенно характерными графическіе пріемы, состоящіе въ смѣшеніи буквъ *ы* и *и*, буквъ *е* и *я*, буквъ *е* и *и*, буквъ *ѣ* и *и*, ибо пріемы эти (особенно въ ихъ совокупности) чужды вообще письменности сѣверо-восточной Руси, видимъ, что ихъ можно обнаружить въ памятникахъ южно-русскихъ, западно-русскихъ и псковскихъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подобное смѣшеніе буквъ свидѣтельствуетъ объ общихъ школахъ письма. Мы въ правѣ приписать появленіе написаній изеде вм. изиде, прѣ вратѣхъ вм. при вратѣхъ, не хотяша вм. не хотяше, яше вм. яша, ныны вм. нини (нынѣ) одной общей манерѣ, выработавшейся въ одномъ изъ соотвѣтствующихъ литературныхъ раіоновъ и передавшейся въ сосѣдніе раіоны, ибо мало вѣроятнымъ представлялась бы выработка такой манеры въ Псковѣ независимо отъ Смоленска, въ Смоленскѣ независимо отъ Кіева, тѣмъ болѣе что многія изъ приведенныхъ написаній рѣшительно нельзя оправдать явленіями живого языка. Отвѣчая на вопросъ, гдѣ же выработана эта манера, гдѣ создалась эта причудливая школа письма, скажемъ, что, конечно, на югѣ Руси; книжное просвѣщеніе двигалось у насъ съ юга на сѣверъ, а не обратно; интересующіе насъ пріемы письма въ значительной степени оказываются заимствованными изъ болгарской письменности, а воздѣйствіе этой послѣдней уже по географическимъ отношеніямъ должно было прежде всего отразиться на кіевскомъ югѣ. Вотъ почему предполагаю, что изслѣдуемые графическіе пріемы сложились въ Кіевщинѣ, Волыни, Галичинѣ; отсюда они перешли въ Смоленскъ и Литовскую Русь; въ Псковъ они попали изъ Бѣлой Руси. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно пути, которымъ южно-славянское вліяніе доходило до Пскова, остановившись прежде всего на вопросѣ о характерѣ болгарскихъ рукописей, послужившихъ главнымъ основаніемъ для созданія новой орѳографической школы.

Какъ отмѣчено, въ русской письменности обнаруживается значительное вліяніе такихъ болгарскихъ рукописей, которыя содержали въ себѣ сербскія особенности. Какъ же понять такое историко-литературное явленіе? Допустимъ ли мы тѣсное общеніе древне-русскихъ просвѣтительныхъ центровъ съ Сербіей или предположимъ, что въ южной Руси завязались сношенія съ западной Болгаріей, гдѣ весьма давно сказалось вліяніе сербской письменности на болгарскую? Не отрицая

заноса сербскихъ и западно-болгарскихъ рукописей въ древнюю Русь черезъ посредство Константинополя и Аѳона, я думаю, что эти случайныя присылки южно-славянскихъ рукописей не могутъ объяснить ни появленія той опредѣленной школы письма, которая насъ интересуетъ, ни отсутствія прямого сербскаго вліянія на нашу письменность. Поэтому ищемъ другого объясненія. Большинство рукописей, содержащихъ тотъ типъ южно-славянской графики, который обнаруживается въ псковскихъ памятникахъ, можетъ быть съ увѣренностью отнесено къ Западной Болгаріи и между прочимъ къ Охридѣ.

Западно-болгарскія рукописи смѣшиваютъ, съ одной стороны, *е* и *ѣ*, далѣе *и* и *ы*, допускаютъ смѣшеніе *е* и ѧ (клетва; рѧкошѧ), съ другой, отожествляютъ, согласно болгарскимъ оригиналамъ, *ѣ* и *ꙗ* (дрꙗво, болѣринъ). Русскія рукописи, представляющія подобное же смѣшеніе сербскихъ и болгарскихъ особенностей, могутъ быть, какъ мнѣ кажется, возводимы къ западно-болгарскимъ, въ частности къ охридскимъ протографамъ, которые проникали въ южную Русь особымъ путемъ, мало доступнымъ для рукописей восточноболгарскихъ, съ одной стороны, сербскихъ, съ другой. Путь этотъ ведетъ насъ въ Валахію, къ тамошнему болгарскому и румынскому населенію, находившемуся въ тѣсномъ общеніи съ Галичиной.

Имѣется рядъ основаній, заставляющихъ предполагать, что валашская и молдавская церкви издавна зависѣли отъ сербской архіепископіи въ Охридѣ. Свѣдѣнія о такой зависимости восходятъ ко времени старшему XV в., когда можно документально указать на нѣсколько случаевъ посвященія молдаво-валашскихъ митрополитовъ охридскими патріархами, титуловавшимися, между прочимъ, обладателями дакійскихъ земель [1]). Охридская архіепископія снабжала Молдавію и Валахію и духовенствомъ и книгами. Объ этомъ можно заключать изъ позднѣйшихъ явленій; такъ Миронъ Костинъ въ своихъ румынскихъ хроникахъ сообщаетъ о посольствѣ, отправленномъ воеводой Александромъ (XV в.) въ Охриду: посольство вывезло оттуда книги всего церковнаго обихода [2]). Составъ рукописей молдавскихъ монастырей, въ частности Нямецкаго, доказываетъ наличность въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія сношеній молдавскихъ книжниковъ съ болгарскими; въ числѣ переписанныхъ въ то время въ Молдавіи

---

[1]) Ср. А. И. Яцимирскій, Григорій Цамблакъ, с. 287 и сл. Тамъ же, на стр. 215 указана литература этого вопроса.

[2]) Яцимирскій, тамъ же, с. 308.

рукописей нѣкоторыя содержатъ слѣды сербскихъ оригиналовъ; оригиналы эти были не ресавскаго извода; поэтому, невѣроятно, чтобы они были вывезены изъ Сербіи; въ Болгаріи рукописей съ подобнымъ правописаніемъ не было, замѣчаетъ А. И. Яцимирскій; „во всякомъ случаѣ онѣ составляли бы родное явленіе для второй четверти XV вѣка. Аѳонъ и Константинополь къ этому времени знали исправные тексты, притомъ послѣдній съ русскими чертами. Остается поэтому одинъ Охридъ—такъ отвѣчаетъ А. И. Яцимирскій на вопросъ, откуда могли попасть подобныя рукописи въ Нямецкій монастырь — гдѣ въ XIV—XV вв. болгарская стихія удивительнымъ образомъ уживалась съ сербской“ [1]). Сношенія Молдавіи съ Охридой для болѣе древней эпохи доказываются, напримѣръ, такими памятниками, какъ Быстричскій помянникъ, заведенный въ 1407 году, гдѣ поминаются молдавскіе іерархи, а изъ другихъ православныхъ архіереевъ только охридскіе. Сильное сербское книжное вліяніе, шедшее указаннымъ путемъ, подтверждается влахо-болгарскими грамотами XV в. Л. Милетичъ въ своемъ изслѣдованіи объ этихъ грамотахъ [2]) отмѣтилъ, что правописаніе ихъ содержитъ рядъ сербскихъ особенностей; онъ склоненъ связать это обстоятельство съ паденіемъ болгарскаго царства въ концѣ XIV в. и ослабленіемъ культурныхъ связей Валахіи съ Болгаріей; но сербизмами изобилуетъ уже грамота царя Срацимира, написанная, повидимому, между 1369 и 1375 годами, при чемъ, конечно, мы не станемъ объяснять это предположеннымъ Милетичемъ знакомствомъ Срацимира съ сербско-хорватскимъ языкомъ, который онъ будто изучилъ, сидя въ качествѣ мадьярскаго плѣнника въ хорватскомъ замкѣ Хумникъ. Отмѣчу въ доказательство того, что средне-болгарскія рукописи съ сербскими особенностями появляются въ Валахіи и Молдавіи уже въ XIV в., напр., на наличность въ Сахарнянскомъ монастырѣ на Днѣстрѣ въ Бессарабіи средне-болгарскаго списка Лѣствицы Іоанна Синайскаго XIV в. съ обычными сербизмами въ правописаніи [3]).

Тѣсныя сношенія русскаго населенія Галичины и Буковины съ православными Валахіи и Молдавіи восходятъ, конечно, къ незапамятнымъ временамъ. Важно отмѣтить, что въ XIV вѣкѣ обнаруживается связь Молдавіи съ Галичскою митрополіей; извѣстно, что въ 1371 и 1376 годахъ Молдавія обращалась къ галичскому митропо-

[1]) Тамъ же, с. 300.

[2]) „Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ“ въ XIV т. министерскаго сборника (1896).

[3]) А. И. Яцимирскій, Мелкіе тексты и замѣтки, вып. I, № XX.

литу Антонію и просила его посвятить для нея двухъ епископовъ [1]). Книжныя сокровища южнаго славянства могли переходить въ южную Русь и черезъ Валахію, хотя для древнѣйшихъ эпохъ, когда духовное просвѣщеніе сосредоточивалось въ Кіевѣ, не обнаруживаясь еще въ такихъ центрахъ, какъ Галичъ, Львовъ, Перемышль, указанный путь пріобрѣтенія рукописей былъ, конечно, рѣдокъ и случаенъ; рукописи шли изъ Кіева, а Кіевъ получалъ ихъ, вѣроятно, путемъ непосредственныхъ сношеній съ центрами болгарскаго просвѣщенія. Но съ XIII вѣка наступили новыя обстоятельства; Кіевъ былъ сожженъ и уничтоженъ татарами, была разгромлена и вся вообще южная Русь; вмѣстѣ съ церквами и монастырями погибли накопленныя книжныя богатства; мѣстному населенію южной Руси пришлось запасаться новыми книгами; митрополичья каѳедра, перенесенная во Владиміръ-Залѣсскій, не могла оказаться въ состояніи удовлетворить требованіямъ далекихъ епархій; самая связь Галичины съ митрополіей ослабла, и юго-западная Русь въ началѣ XIV вѣка выдѣляется въ церковномъ отношеніи въ самостоятельную единицу. Въ это время, а именно во второй половинѣ XIV вѣка, и началось, какъ кажется, наводненіе южной Руси, а прежде всего Галичины и Волыни, болгарскими книгами изъ Валахіи; понятно, почему среди такихъ книгъ преобладали западно-болгарскія рукописи, памятники охридскаго письма. Типичною рукописью русскаго письма, явившеюся копіей съ одного изъ такихъ сербско-болгарскихъ оригиналовъ, оказывается евангеліе 1283 года поповича Евсевія: выше указаны явные сербизмы въ оригиналѣ этого евангелія [2]).

---

[1]) А. И. Яцимирскій, Григорій Цамблакъ, стр. 62; Голубинскій, Краткій очеркъ правосл. церквей, стр. 373—374.

[2]) Въ молдавскихъ грамотахъ, писанныхъ на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ, наблюдается рядъ графическихъ явленій, восходящихъ къ болгарскимъ оригиналамъ. Отмѣчу особенно смѣшеніе *ѣ* и *я*: въсяхъ болѣрь, тямъ селамъ, на имѣ, зятѣ его 1446 г. (Уляницкій, Матеріалы, стр. 68), видявше, Симя логоѳетоу, прядъ нами, зѣта его, пятдесѣтъ 1453 (стр. 60—61), з дятми, тяхъ то селищчь, пинѣзей 1452 (тамъ же, стр. 77), попапрядъ, кнѣгинѣ им. ед. 1457 (с. 93—95), сям листмь нашим, въсям кто нап узрит, крянось, кролѣ р. ед., до гедрѣ 1468 (стр. 106, 107); далѣе смѣшеніе *и* и *ы*, которое нельзя всецѣло отнести на счетъ русскаго писца, ибо оно имѣетъ мѣсто, напр., и въ такихъ случаяхъ, гдѣ буква *ы* замѣнила такое *и*, которое восходитъ къ *ѣ*: потвержыные 1448 (стр. 75), съ всыми хотарми 1452 (стр. 78), мѣсти. ед. воеводы 1435, вырности 1435 и мн. др. Буквы *и* и *ѣ* смѣшиваются также графически, что видно, напримѣръ, изъ такихъ случаевъ, какъ мѣ вм. ми (т. е. мы) 1436 (стр. 16), вызывающихъ дальше случаи, какъ оу нашемъ покоя мѣсти. ед.

Какъ извѣстно, до насъ дошло крайне мало рукописей изъ юго-западной Руси XIII и XIV вѣка; поэтому мы можемъ говорить только предположительно о появившейся въ то время школѣ письма, о графическихъ ея пріемахъ. Судя по евангелію 1283 года, эта школа получила въ своихъ средне-болгарскихъ оригиналахъ основанія для графическаго смѣшенія *е* и *ѣ*, *ѣ* и *ѩ*, *е* и *ѧ*, *и* и *ы*; съ теченіемъ времени стали сокращаться случаи графическаго смѣшенія, особенно рѣзко расходившіеся съ живымъ произношеніемъ, напротивъ, стали увеличиваться такіе случаи, которые находили себѣ поддержку въ живомъ языкѣ писцовъ; такъ особенно легко было воспринять западно-болгарское смѣшеніе *ы* и *и*, ибо и въ малорусской рѣчи XIV вѣка оба звука *и* и *ы* стали діалектически совпадать въ одномъ общемъ звукѣ; по той же причинѣ, быть можетъ, участились случаи смѣшенія буквъ *я* и *е* въ конечномъ слогѣ, ибо языкъ представлялъ замѣну графическаго *е* звукомъ *а* въ такомъ положеніи (žit'ťa вм. житиѥ, osužieńia вм. осоужѣниѥ на письмѣ). Но кромѣ того къ этимъ графическимъ особенностямъ вскорѣ прибавилась еще одна—это смѣшеніе *и* и *ѣ*, вызванное южно-малорусскимъ переходомъ дифтонга *іе* въ *і*; *ѣ* читали какъ *и*, и вслѣдствіе этого вмѣсто *и* писали *ѣ*; но такъ какъ *ѣ* на письмѣ подъ вліяніемъ болгарскихъ (западно-болгарскихъ) оригиналовъ смѣшивалось съ *е*, то въ результатѣ смѣшенія *ѣ* и *и* явилось еще графическое смѣшеніе *е* и *и*; первая копія передавала, напримѣръ, слово истина черезъ истѣна, а вторая писала уже истена; оригиналъ передавалъ частицу же черезъ жѣ, а копія писала жи, и т. п.

Южно-русскія рукописи XIV вѣка не получили распространенія на сѣверо-востокѣ Россіи,—тамъ сохранялись старые книжные запасы; правда, книги подверглись уничтоженію и тамъ во время татарскаго нашествія, но многое было спасено; усиленная переписка старыхъ оригиналовъ сохранила письменность на сѣверо-востокѣ; скоро завязались прерванныя было сношенія со Святой Горой и Царьградомъ; рукописи стали привозиться оттуда и во Владиміръ и въ Новгородъ, поддерживая и освѣжая старую письменность. Впослѣдствіи, въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ южно-славянскія рукописи нахлынули въ большомъ количествѣ и въ сѣверо-восточную Русь, но не тѣми путями, какими онѣ проникали на юго-западъ; и на сѣверо-востокѣ ста-

---

1457 (стр. 93). Кромѣ того смѣшиваются и буквы *е*—*ѣ*: всѣму, нашѣму, пановѣ 1448 (стр. 75).

рая выработанная вѣками графика уступила мѣсто новымъ пріемамъ письма, но эти новые пріемы не заводили ороографію такъ далеко отъ живого произношенія, какъ на юго-западѣ; вслѣдствіе этого они съ теченіемъ времени стали вытѣсняться тѣмъ здравымъ отношеніемъ къ письму, которое стремилось установить опредѣленную связь его съ живымъ произношеніемъ; новая ороографическая мода ослабѣваетъ въ сѣверо-восточной Руси, по замѣчанію А. И. Соболевскаго, въ первой половинѣ XVI вѣка, а „въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ изрѣдка *а* вмѣсто *я*, южно-славянская ороографическая мода была уже забыта". Совсѣмъ иное на юго-западѣ: тамъ „рукописи съ среднеболгаризмами—обычное явленіе въ теченіе всего XVI вѣка и начала XVII вѣка" [1]).

Итакъ, юго-западная письменность рѣзко противополагается сѣверо-восточной; юго-западныя рукописи не шли въ Москву и въ Новгородъ; питаніе этихъ центровъ книгами шло иными путями. Западная Русь, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, всецѣло попала подъ вліяніе юго-западной. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло книгъ, писанныхъ несомнѣнно „въ Полоцкѣ, Смоленскѣ или вообще въ западной Руси въ XI—XIV вѣкахъ" [2]). Но западно-русская письменность XV вѣка обнаруживаетъ полную зависимость отъ южно-русскихъ оригиналовъ. Правда, въ нее обильною струей проникаетъ и народная рѣчь, она не чуждается и полонизмовъ, но основныя черты правописанія оказываются южно-русскими: а эти черты, какъ мы видѣли, сложились лишь въ незначительной степени подъ вліяніемъ живого малорусскаго языка; главныя черты основываются на болгарской, точнѣе западно-болгарской графикѣ, овладѣвшей юго-западною нашею письменностью. Итакъ, въ западно-русскихъ памятникахъ наблюдаются тѣ самыя особенности письма, что въ южно-русскихъ. Нерѣдкое въ нихъ смѣшеніе *и* и *ѣ* Е. Ѳ. Карскій правильно и безъ колебаній объясняетъ малорусскимъ вліяніемъ [3]); но необходимо подчеркнуть, что вліяніе шло путемъ книжнымъ, а не путемъ общенія сосѣднихъ говоровъ; смѣшеніе *и* и *ы*, отмѣченное нами, напримѣръ, въ Супрасльскомъ сборникѣ, встрѣчающееся и въ другихъ памятникахъ [4]), должно быть возведено

---

[1]) А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія, стр. 86.

[2]) Тамъ же, стр. 85.

[3]) Бѣлоруссы, II, стр. 254.

[4]) Напримѣръ, въ западно-русскомъ стихѣ Страстей Христовыхъ (сборн. Имп. Публ. библ. Q. I. 391), изданномъ Н. М. Туниковымъ (Памятники др. письменности и искусствъ, № CLX), находимъ съ одной стороны, смѣшеніе *и* и *ѣ*, а съ другой,

къ тѣмъ же южно-русскимъ оригиналамъ; отмѣченное нами смѣшеніе *я* и *е* въ Супр. сборникѣ въ ударяемыхъ слогахъ возводимъ къ тому же источнику. Можно думать, что въ XIV вѣкѣ западно-русскіе памятники еще больше, чѣмъ въ XV, сходствовали съ графикой западно-болгарскихъ рукописей, уснащенной еще южно-русскимъ смѣшеніемъ *ѣ* и *и*. Въ XV вѣкѣ многіе изъ этихъ искусственныхъ пріемовъ письма отвергаются: языкъ сближается съ живою рѣчью; смѣшеніе *ѣ* и *и*, *е* и *я* держится поэтому въ слогахъ неударяемыхъ, а подъ удареніемъ эти пріемы становятся все рѣже; неотличеніе буквъ *у* и *ю*, *а* и *я* охотнѣе удерживается при *р*, отвердѣвшемъ и въ живомъ языкѣ, чѣмъ при *л*, *н* и другихъ согласныхъ, такъ какъ въ живомъ произношеніи слоги ла, на, лу и т. п. рѣзко отличались отъ ля, ня, лю. Сближеніе письменной рѣчи съ живою доказывается въ особенности появленіемъ на письмо буквы *а* вмѣсто орѳографическаго *о*.

Западно-русскія рукописи стали проникать въ Псковскую область. Это обстоятельство стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что Псковъ съ теченіемъ времени втягивался все больше въ кругъ литовско-русскихъ интересовъ, отдаляясь отъ своего старшаго брата Новгорода. Какъ объяснить это явленіе? Зависѣло ли оно отъ искони одноплеменности населенія Пскова и Полоцка, Смоленска, гдѣ жили кривичи, между тѣмъ какъ въ Новгородѣ сидѣли словѣне? Или, быть можетъ, возможно допустить приливъ бѣлорусскаго населенія въ Псковскую область, приливъ, вызванный тѣми или иными передвиженіями русскаго населенія въ бассейнѣ средняго и верхняго теченія Днѣпра? Или, наконецъ, причиной отдѣленія Пскова было появленіе новыхъ политическихъ организацій среди сосѣднихъ литовскихъ и русскихъ племенъ, стремившихся распространить свое вліяніе и на этотъ богатый торговый городъ? Для насъ въ настоящую минуту это безразлично. Мы констатируемъ только фактъ обособленія Пскова отъ Новгорода съ начала XIV столѣтія, когда псковичи стали приглашать къ себѣ князей изъ Литвы, въ надеждѣ получить оттуда вмѣстѣ съ княземъ и военную помощь. Добившись политическаго отдѣленія отъ Новгорода при содѣйствіи литовскихъ князей,—читаемъ мы у историка Пскова, А. Никитскаго,—псковичи естественно должны были обратиться къ послѣднимъ и съ церковнымъ вопросомъ, въ надеждѣ, что Литва поможетъ имъ привести въ равновѣсіе церковное

смѣшеніе *и* и *ы* (била, с сином, над сином, которие) и иные болгаризмы и сербизмы (над слоунца 7, приятелоу 3, дятятком 58, пяпязи 2).

общество съ гражданскимъ, поможетъ замѣнить власть Новгородскаго владыки властью выборнаго псковскаго епископа. Литовскіе князья „дружелюбно встрѣтили въ 1331 году попытку псковичей основать у себя отдѣльную отъ Новгорода епископскую каѳедру, надѣясь въ свою очередь, что церковное обособленіе Пскова будетъ содѣйствовать скорѣйшему переходу послѣдняго подъ литовскую опеку“ [1]). Какъ извѣстно, совмѣстныя старанія псковичей и пословъ князя Гедимина не увѣнчались успѣхомъ, но эта неудача не отклонила псковичей отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ обособленію церковнаго управленія отъ Новгорода. Эти попытки опирались несомнѣнно на политическія связи Пскова съ литовско-русскими государями. А что за подобными попытками могло скрываться и вліяніе отпавшей въ началѣ XV вѣка отъ московской митрополіи Западной Руси, можно заключить изъ грамоты новгородскаго владыки Евѳимія 1426 года, въ которой прямо указано на то, что псковское духовенство пополнялось выходцами изъ Русской и изъ Литовской земли и что сами псковскіе священнослужители ѣздили ставиться въ Русь или въ Литовскую землю [2]). Трудно сомнѣваться въ виду такихъ данныхъ, подкрѣпляемыхъ и другими соображеніями [3]), чтобы въ Псковъ проникали книги изъ Западной и Южной Руси. Вопреки утвержденію Н. М. Каринскаго слѣдуетъ признать, что псковская письменность стояла подъ прямымъ вліяніемъ письменности западно-русской.

Я указывалъ уже выше на данныя, свидѣтельствующія о переходѣ псковскихъ рукописей въ западную Русь; здѣсь сошлюсь еще на обстоятельство, обратившее на себя вниманіе, конечно, не одного изслѣдователя нашей древней письменности: древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ среди памятниковъ сѣверо-восточной письменности списки Толковой Палеи распространенной редакціи, соединившей съ

---

[1]) А. Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 208—209.

[2]) Акты Ист. I № 31; ср. А. Никитскій, стр. 224.

[3]) Напримѣръ, въ посланіяхъ митр. Кипріана и Фотія къ псковичамъ осуждается привнесеніе въ мѣстное богослуженіе „такихъ обычаевъ, которые прямо говорятъ о латинскомъ вліяніи на мѣстную религіозную жизнь,—напримѣръ, употребленіе латинскаго мира при совершеніи таинства миропомазанія, или обливательное крещеніе младенцевъ“. См. Н. Серебрянскій, Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ (1908), стр. 243.—Въ грамотѣ митр. Фотія читаемъ: „слышю, что хотящихъ креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, вмѣсто святаго мура великаго, мажете муромъ латынскымъ... И крещенія творите по правиламъ святыхъ Отецъ, не обливайте водою, погружайте въ водѣ, въ кадцѣ таковой, трижды“ (Русск. Ист. библ. VI, 495 и 496).

текстомъ Палеи текстъ хронографа, оказываются псковскими; сюда относятся списки 1477 года, 1494 года, 1517 (или 1518) года [1]), Креховскій списокъ XV вѣка [2]); Погодинскій списокъ № 1435 сохранилъ черты псковскаго оригинала [3]). Не думаю, чтобы это обстоятельство могло быть объяснено случайностью. Н. С. Тихонравовъ появленіе Палеи въ Новгородѣ и Псковѣ ставилъ въ связь съ развитіемъ ереси жидовствующихъ въ этихъ городахъ. Въ виду сдѣланныхъ выше заключеній, а также въ особенности того, что факты уполномочиваютъ насъ говорить о появленіи Палеи именно въ Псковѣ, а не въ Новгородѣ, думаю, что это обстоятельство должно быть поставлено въ связь съ завязавшимися литературными отношеніями Пскова съ западной и юго-западной Русью; легенда о Соломонѣ и Китоврасѣ, вошедшая въ составъ распространенной редакціи Палеи, несомнѣнно болгарскаго, а не русскаго происхожденія, ибо басни и кощуны о Соломонѣ царѣ и о Китоврасѣ запрещаются въ болгарскомъ номоканонѣ Погодинскаго собранія [4]); считаю поэтому вѣроятнымъ возводить вообще всю распространенную редакцію Палеи къ болгарскому оригиналу; рѣзкіе болгаризмы, обнаруженные въ ней изслѣдованіемъ Н. М. Каринскаго, подтверждаютъ такой выводъ. Переходя къ вопросу о томъ, какимъ же путемъ попала въ Псковъ Палея, считаю наиболѣе вѣроятнымъ, что путь этотъ шелъ черезъ западную и юго-западную Русь; въ послѣднюю Палея попала изъ западной Болгаріи. Весьма возможно, что болгарскій оригиналъ значительно отличался отъ русской редакціи; возможно, что русская редакція подвергла свой оригиналъ переработкѣ и распространенію, но мало вѣроятно, чтобы эта редакціонная работа была произведена въ Псковѣ; естественнѣе предположить, что она появилась гдѣ-нибудь на югозападѣ; ср. между прочимъ въ судахъ Соломоновыхъ слово „паробокъ", врядъ ли обычное въ сѣверной Руси [5]).

---

[1]) Ср. А. И. Соболевскій, Славяно-русская палеографія, стр. 89.

[2]) См. выше.

[3]) Краткое описаніе его дано Н. М. Каринскимъ на стр. 143—144. Кстати выскажу сомнѣніе относительно того, чтобы просатай, какъ думаетъ Каринскій, восходило къ прошатай; ср. ходатай.

[4]) А. Н. Веселовскій, Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 212.

[5]) Толк. Палея по списку Царскаго замѣнила въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ слово паробокъ на рабъ: „постави себѣ раба въ сына мѣсто" (Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреч. литер. I, 261); въ Креховской палеѣ: „постави паробька въ сына мѣсто"; ниже Креховская палея употребляетъ слово холопъ, а списокъ Царскаго слово рабъ; но въ одномъ мѣстѣ оба списка сохраняютъ слово паробокъ.

Передъ изслѣдователемъ русскаго языка открывается любопытнѣйшая задача проанализировать языкъ псковскихъ памятниковъ со стороны предполагаемаго на него вліянія памятниковъ западно-русскихъ; къ изслѣдованію необходимо привлечь и лексическій матеріалъ. Кое-что намѣчается и при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Такъ, напримѣръ, отмѣченную Н. М. Каринскимъ замѣну префикса пре— русскимъ префиксомъ про—можно признать восходящею къ западно-русскому книжному языку; ср. въ евангеліи XVI вѣка, писанномъ въ западной Руси и содержащемъ запись 1594 года о томъ, что оно пожертвовано въ Виленскую церковь св. Богородицы (Архивъ св. Синода, № 52), читаемъ: „идеже аще продано бѫдеть еѵгліе се въ всем мирѣ" 58, „съгреших продавъ кровь неповинноу" 62 [1]). Такъ слово „княжание", нѣсколько разъ замѣнившее „княженис" въ Новоросс. спискѣ Новгор. 4-й, находится и въ Познанскомъ спискѣ западно-русской лѣтописи: княжаньи (П. Р. С. Л., XVII, стр. 300), ср. причащанье, розмышлянья въ Катихизисѣ 1562 г. (Карскій, Бѣлоруссы, II, 203).

VII

Итакъ въ памятникахъ псковской письменности мы въ правѣ признать и языкъ и графику заимствованными изъ памятниковъ западно-русскихъ. Дѣлать какія бы то ни было заключенія относительно принадлежности Пскову такихъ особенностей, которыя не чужды и языку западно-русскихъ памятниковъ, было бы неосторожно безъ опредѣленія того или иного критерія, почему та или иная звуковая или морфологическая черта можетъ быть отнесена на счетъ живого Псковскаго говора. Такой критерій надо искать въ современномъ говорѣ Пскова и его области. Яснымъ представляется мнѣ пока принадлежность древне-псковскому нарѣчію слѣдующихъ явленій: 1) смѣшеніе *ч* и *ц*, 2) смѣшеніе *ш*, *ж* и *с*, *з*, 3) новообразованія въ формахъ причастій на лъ, впервые отмѣченныя въ одномъ изъ псковскихъ памятниковъ Л. Л. Васильевымъ: привегли, повегли, чькли [2]); 4) аканье.

---

[1]) Ср. смѣшеніе приставокъ про- и пре- въ современной югозападной Бѣлоруссіи, у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы, II, 169.

[2]) Въ общемъ объясненіе этихъ формъ, предложенное Н. М. Каринскимъ, представляется мнѣ удовлетворительнымъ. Отмѣчу форму чтли въ Новгородской 2-й лѣтописи по Архивскому списку (изданіе Археогр. комиссіи: „Новгородская 2-я и 3-я лѣтописи", стр. 111). Но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы вѣгли явилось по аналогіи бѣгли; впрочемъ, такое предположеніе отвергается самимъ авторомъ (стр. 186), который видитъ въ псковскихъ формахъ переходъ т, д въ к, г, и слѣдовательно

Отвердѣніе *р* я склоненъ возводить къ вліянію западно-русскихъ памятниковъ. Смѣшеніе *ѣ* и *и* возвожу къ южно-русской письменности, при чемъ и тутъ посредствующимъ звеномъ были западно-русскіе памятники. Оттуда же веду написаніе яблыко Соф. № 1262, о которомъ Н. М. Каринскій говоритъ на стр. 171—172.

Смѣшеніе *ы* и *и* возвожу къ западно-болгарскимъ оригиналамъ, проникавшимъ въ южно-русскую письменность. Смѣшеніе *ѣ* и *е* возвожу къ нимъ же; они же дали основаніе для передачи звука *а* буквами *е*, *ѣ* и напротивъ звука *е* (*ѣ*) буквами ѧ, ꙗ, *а*. Возможно, что на южно-русской почвѣ развилась подъ вліяніемъ такого графическаго явленія передача -ие черезъ—ия,—ъя, такъ какъ въ живомъ языкѣ было—*я*, а на западно-русской—указанное чередованіе стало все болѣе ограничиваться положеніемъ указанныхъ буквъ въ слогахъ неударяемыхъ, ибо звуки неударяемыхъ слоговъ произносились редуцированно, неясно. Смѣшеніе *е* и *и* вызвано частью соотвѣтствующимъ смѣшеніемъ звуковъ *е* и *и* въ неударяемыхъ слогахъ въ болгарскомъ языкѣ, нашедшимъ себѣ отраженіе и въ памятникахъ, частью графическимъ смѣшеніемъ *ѣ* и *е* при смѣшеніи *ѣ* и *и*, позволявшемъ отождествлять графически *и* съ *е*. Появленіе *у* и ую въ твор. ед. вмѣсто ою возвожу къ болгарскимъ формамъ на у.

Формы им. ед. прилагательныхъ на -ей я склоненъ объяснять графической замѣной окончанія -ии черезъ -еи, быть можетъ, черезъ посредство написаній -ѣи.

Въ предыдущій обзоръ включены не всѣ звуковыя и морфологическія явленія, о которыхъ свидѣтельствуютъ псковскіе памятники, а только нѣкоторыя, вызвавшія несогласіе мое съ объясненіями Н. М. Каринскаго.

Обращаясь къ вопросу о томъ, правъ ли Н. М. Каринскій, когда объясняетъ близость псковскаго нарѣчія къ бѣлорусскому движеніемъ бѣлоруссовъ въ псковскую область, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ XIV в., замѣчу, что данныхъ принятія для подобнаго объясненія мы не имѣемъ. Псковскихъ памятниковъ старше XIV вѣка до насъ не дошло; поэтому судить о томъ, каковъ былъ языкъ Пскова XII—XIII вѣка и отли-

---

исходитъ изъ формъ ведли, чьтли, вызванныхъ вліяніемъ веду, чту. Переходъ д въ г въ такомъ положеніи не чуждъ бѣлорусскимъ говорамъ, гдѣ находимъ вяглина изъ польск. więdlina; а для Пскова онъ доказывается формой проклѣеть въ Соф. № 1262, л. 18, которая стоитъ, конечно, вм. протлѣеть въ фразѣ: „аще бо не всеешн пшеница ни прочихъ семенъ в землю, то не проклѣеть, ни плода створить; аще ли в земли сътлееть, то плодъ створить сугубь“.

чался ли онъ отъ позднѣйшаго языка отсутствіемъ бѣлорусскихъ чертъ, мы не можемъ. Правда, въ памятникахъ XIV в. меньше бѣлорусскихъ чертъ, чѣмъ въ XV, но это могло стоять въ связи съ тѣмъ, что въ XIV вѣкѣ или въ первой половинѣ этого вѣка псковская письменность находилась подъ прямымъ вліяніемъ новгородской, между тѣмъ какъ со второй половины XIV вѣка начинается вліяніе на нее письменности западно-русской. Признаю большой заслугой А. И. Соболевскаго и Н. М. Каринскаго указанія ихъ на связь псковскаго нарѣчія съ бѣлорусскимъ, но вопреки Н. М. Каринскому я склоненъ думать, что связь эта исконная, вызванная исконнымъ сосѣдствомъ псковичей и бѣлоруссовъ; въ силу географическихъ условій въ Псковской области создался говоръ промежуточный между бѣлорусскимъ и сѣверно-русскимъ.

Въ заключеніе считаю себя обязаннымъ признать за разсмотрѣннымъ трудомъ Н. М. Каринскаго безспорныя достоинства. Онъ пустилъ въ научное обращеніе большой лингвистическій матеріалъ, извлеченный изъ памятниковъ; онъ освѣтилъ псковскіе памятники со стороны господствовавшей въ Псковѣ XV вѣка школы письма; онъ выдвинулъ историко-литературный вопросъ первостепенной важности, отмѣтивъ оригинальныя черты псковской графики и представивъ данныя для установленія тѣсной связи псковской письменности, питавшейся, конечно, южно-русскими и западно-русскими источниками, съ письменностью западно-болгарскою.

А. Шахматовъ.